

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 01454200 9

141294

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

И. П. АЗЪЛЕНСКИЙ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

Японія и Корейя.

ЗАМѢТКИ ИЗЪ КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

съ 15-ю рисунками.

МОСКВА.

Высочайше утвержден. Т-во Скоропечатки А. А. Левенсонъ.

1895.

Digitized by Google

ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА А. А. ЛЕВЕНСОНЪ.

И. П. АЗБЕЛЕВЪ.

Японія и Корея.

МОСКВА.

Высочайше утвержден. Т-во Скоропечатни А. А. Левенсонъ.
Петровка, домъ Левенсонъ.

1895.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

141294

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.
1899

Дозволено цензурою. Москва. 15-го октября 1894 год

года. Японія и Корея.

Я П О Н И Я .

I.

Все ближе и ближе подвигается нашъ корабль къ этой живописной и интересной странѣ. Мы подходимъ къ морскому порту Нагазаки, который находится на юго-западной части острова Кіу-Зіу. Погода чудесная, на небѣ ни тучки, и солнышко большимъ раскаленнымъ шаромъ неподвижно стоитъ на фонѣ темно-синяго купола; но вмѣстѣ съ

тѣмъ совсѣмъ не жарко: легкій сѣверный вѣтерокъ нѣжно ласкаетъ васъ и не позволяетъ докучать горячимъ лучамъ солнца. Такая погода заставляетъ быть еще нетерпѣливѣе: хочется какъ можно скорѣе пролетѣть тотъ промежутокъ воды, который отдѣляетъ корабль отъ чуть замѣтной на горизонтѣ полоски земли. Но вотъ эта полоска дѣлается все толще, темнѣе, вотъ ужъ ясно и отчетливо виденъ маякъ, вѣрный хранитель мореплавателей; еще немножко терпѣнія— и передъ нами, какъ на ладони, эта красавица-страна.

Мы прошли уже мимо маяка, живописно стоящаго на высокой горѣ среди пышной зелени и, совсѣмъ, совсѣмъ близко проходимъ мимо торчащей изъ воды

скалы, покрытой соснами; совершенно вертикально высокой стѣнной поднимается она изъ воды. Существуетъ преданіе, что давно, давно еще японцы сбрасывали съ этой скалы въ море ненавистныхъ имъ іезуитовъ...

Японія—сосѣдка нашей Сибири; она находится какъ разъ противъ Уссурійскаго края и отдѣляется отъ него большимъ моремъ, которое называется Японскимъ.

Всѣ владѣнія японцевъ состоятъ изъ огромнаго количества острововъ; ихъ насчитываютъ до 3800.

Первый большой островъ съ сѣвера называется Іезо, или, какъ еще иначе называютъ его японцы, Мацмай; онъ находится сейчасъ же къ югу отъ острова Сахалина и отдѣляется отъ послѣдняго

узенькимъ проливомъ Ла-Перуза. Слѣдующій къ югу островъ самый большой, на немъ находятся двѣ столицы Японіи: старая — Кіото и новая — Тоокіо; этотъ островъ въ нашихъ географіяхъ называется Іедо, но это неправильно, потому что сами японцы называютъ его Нипонъ, откуда собственно и происходитъ названіе всего государства. Столицу же свою Тоокіо японцы иногда называютъ Іедо. За островомъ Нипонъ слѣдуетъ островъ Сикоко, потомъ островъ Кіу-Зіу и наконецъ опять группа мелкихъ острововъ, подъ названіемъ Ліу-Кіу. Всѣ эти острова вмѣстѣ, по общей ихъ поверхности, не превосходятъ двухъ третей Франціи, и на нихъ живетъ до 40.000,000 народа.

Гора Фузиг-Яма.

**THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY.**

**ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.**

Вся Японія образованія вулканическаго; горы занимають двѣ трети всей поверхности. Обрывистые берега говорятъ о недавнихъ землетрясеніяхъ, которыя какъ будто оторвали отъ материка Азіи громадную глыбу и, раздробивъ ее на мелкія части, рассыпали въ океанѣ.

Самая высокая гора Японіи называется Фузи-Яма (яма—по японски значить гора); ея вышина равняется почти тремъ верстамъ. Весь архипелагъ омывается со всѣхъ сторонъ морскими теченіями, съ восточной стороны теплыми и съ западной полярными—холодными. У японцевъ существуетъ повѣріе, что наступитъ часъ, когда эти теченія поглотятъ и сотрутъ Японію съ лица земли.

Въ такой гористой странѣ, конечно, не можетъ быть большихъ рѣкъ; онѣ большею частью представляютъ собою потоки, образуемые тающимъ снѣгомъ и дождями; онѣ текутъ на дни долины, откуда стекаютъ въ море или высыхаютъ въ продолженіе лѣта, оставляя обширную площадь песку и дресвы. Очень мало даже такихъ рѣкъ, по которымъ могли бы ходить крупныя лодки; въ большинствѣ случаевъ онѣ служатъ для сплавки и замѣняютъ собою дороги.

Землетрясенія въ Японіи чрезвычайно часты, среднимъ числомъ ихъ насчитываютъ до ста въ мѣсяць; еще хорошо, что за послѣднее время они не сильны, но бывали случаи, что разрушались цѣлые города; напримѣръ,

въ 1854 году въ столицѣ Тоокіо сильное землетрясеніе погубило болѣе ста тысячъ человѣкъ.

Японія богато одарена всевозможными минералами и металлами; тутъ есть и гранить, и мраморъ, драгоценные камни, золото, серебро, желѣзо, мѣдь и т. д., и т. д. Что же касается до растеній, то здѣсь собрались, кажется, всѣ растенія земного шара: на сѣверѣ растутъ мрачныя и суровыя ели и сосны, а на югѣ поспѣваютъ персики, ананасы и апельсины.

Если Богъ такъ щедро надѣлилъ Японію растительными и минеральными богатствами, зато Онъ далъ ей очень мало животныхъ; ихъ можно пересчитать по пальцамъ. Изъ дикихъ звѣрей тамъ: медвѣди, волки, лиси-

цы, куницы, козы, барсуки, обезьяны и рысь — вотъ и всѣ. Насѣкомыхъ также немного, но есть очень надоѣдливыя для человѣка — москиты. Хищныя птицы: орлы, соколы, коршуны и наконецъ вороны — эти въ громадномъ количествѣ. Пѣвчихъ птичекъ очень немного, но чириканье воробья, какъ и у насъ, слышится повсюду. Журавли, аисты, цапли въ изобиліи; что касается до морскихъ птицъ, то ихъ и не пересчитать.

Изъ домашнихъ животныхъ — коровы, лошади, бараны и козы привозятся преимущественно изъ Китая, а раньше ихъ совсѣмъ не было.

Замѣчательно, что японцы прежде, до прихода къ нимъ европейцевъ, совсѣмъ не ѣли ника-

кого мяса. Вообще они не умѣютъ извлекать изъ домашнихъ животныхъ той пользы, какую извлекаемъ мы. Напримѣръ, японцы совсѣмъ не знаютъ, какъ употреблять баранью шерсть, и у нихъ шерстяныхъ матерій и издѣлій совсѣмъ нѣтъ. Осла японцы никогда еще не видѣли, но лошадей, какъ вьючнымъ животнымъ, пользуются очень усердно.

Изъ низшихъ домашнихъ животныхъ въ Японіи есть свиньи, индюки, утки, гуси и куры. Куры другой породы, чѣмъ наши: онѣ гораздо меньше нашихъ, точно цыплята, и на чрезвычайно коротенькихъ ножкахъ; онѣ точно ползаютъ, а не ходятъ.

Въ средней Японіи, т. е. на самомъ большомъ островѣ Ни-

понѣ, климатъ умѣренный и самый пріятный: болѣе шести градусовъ мороза здѣсь не бываетъ никогда. Съ половины октября до января солнце блеститъ здѣсь съ удивительною чистотою и среди пріятной прохлады въ воздухѣ нѣжно согрѣваетъ васъ. Зима и осень самое лучшее время въ этой прекрасной странѣ; кто проведетъ здѣсь эти чудные дни, тотъ вынесетъ впечатлѣніе, какъ о несравнимой прелести.

Но вотъ проходитъ зима, и наступаетъ весна; мы всѣ здѣсь радуемся ей, какъ предвѣстнику такъ любимаго нами лѣта, а тамъ наооборотъ: весна приноситъ съ собою нескончаемые дожди, которые льютъ иногда три, четыре и даже восемь дней безъ остановки. Небо надолго покрывается

мрачными сѣрыми тучами, и напрасно тогда ждать, что вотъ-вотъ выглянетъ солнышко. Долго тянется этотъ угрюмый періодъ. Но, какъ вездѣ въ мірѣ, природа не можетъ угодить всѣмъ людямъ одинаково: городскіе жители Японіи не любятъ этого времени и ждутъ не дождутся, когда наступятъ опять бодрящія, веселыя осень и зима. Но не такъ относятся къ веснѣ сельскіе и деревенскіе жители, главные труженики Японіи; они благословляютъ эти мрачные, сырые и дождливые дни: безъ нихъ засохли бы ихъ рисовыя поля, и тогда пришлось бы голодать не только имъ самимъ, но и цѣлому государству.

Съ наступленіемъ лѣта наступаетъ сильная жара, жара удуш-

ливая и сырая. Солнце печетъ сильно и начинаетъ вытягивать изъ земли, въ видѣ пара, всѣ пролитые небомъ за весну дожди; весь воздухъ пропитывается тепловатой сыростью, и человѣкъ испытываетъ то же ощущение, какъ бы онъ находился въ банѣ.

Наконецъ, чтобы докончить картину измѣнчивости японской природы, надо упомянуть еще объ ураганахъ, этихъ страшныхъ вращающихся буряхъ. Ихъ можно безъ преувеличенія назвать бичами Японіи. Чуть не каждый годъ этотъ вихрь посѣщаетъ то ту, то другую часть государства и почти опустошаетъ ее.

Ураганы образуются здѣсь во время переменъ муссоновъ отъ встрѣчи двухъ атмосферныхъ те-

ченій. Японцы называютъ эти бури тайфунами.

Вотъ какова природа, гдѣ выросъ и развился японскій народъ. Помѣщенная подъ пріятнымъ и счастливымъ небомъ, среди растительнаго изобилія, Японія должна была склониться скорѣе къ жизни земледѣльческой, чѣмъ пастушеской. Стѣсненные между огромнымъ количествомъ горъ, японцы, очевидно, должны были очень скоро сдѣлаться народомъ осѣдлымъ. Отсутствіе породъ животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, заставило ихъ искать ее въ обильномъ рыбою морѣ, и потому они сдѣлались великолѣпными рыбаками.

Отрѣзанное географическое положеніе Японіи отъ всѣхъ дру-

гихъ странъ и богатое изобиліе всѣхъ необходимыхъ для существованія продуктовъ сдѣлали то, что японцы все время вели замкнутую жизнь, развивались совершенно самостоятельно въ продолженіе многихъ, многихъ вѣковъ, а потому, когда европейцы впервые посѣтили это государство, то были поражены всѣмъ, ихъ окружающимъ: все говорило имъ, что они попали въ среду народа умнаго, дѣятельнаго, совершенно развитога, образованнаго по-своему. Можно сказать, что не было ни одной вещи, которая бы совершенно походила на европейскую. Все было совершенно иное, своеобразное.

II.

Познакомивъ достаточно съ общимъ характеромъ страны, будемъ продолжать разсказъ о нашемъ первомъ прибытіи въ Нагазаки.

Итакъ, пройдя мимо скалы Паппенбергъ, съ которой, какъ я сказалъ, японцы въ давнія времена сбрасывали первыхъ христіанъ-піонеровъ, мы вошли въ длинную узкую бухту. Направо и

наѣво были прихотливой формы гористые берега, покрытые красивой зеленью, среди которой тамъ и сямъ ютятся небольшіе красивые домики. Мы прошли самое узкое мѣсто, и передъ нами открылся громадный заливъ. Тутъ жизнь кипѣла ключомъ: цѣлыя сотни, а можетъ быть и тысячи торговыхъ кораблей всѣхъ націй дѣятельно заняты нагрузкой, выгрузкой и перегрузкой; между большими судами весело снуютъ оригинальныя маленькія японскія лодочки съ домиками-каютками посрединѣ и съ однимъ гребцомъ на кормѣ. Быстро несется такая лодочка, слегка переваливаясь съ боку на бокъ; на крышѣ каютки очень часто сидитъ пассажиръ-японецъ, поджавши подъ

себя ноги и покуривая трубочку. Эти лодочки называются фунэ.

Вѣдь не такъ давно закипѣла такая жизнь въ портѣ Нагазаки. Японцы очень долго не пускали къ себѣ европейцевъ: они очень недоувѣрчиво относились къ намъ. Европейцы же, съ своей стороны, очень сильно желали завести торговья сношенія съ этой богатой и неразгаданной страной; они употребляли всевозможныя старанія и усилія добиться этого.

Первые европейцы, которыхъ пустили къ себѣ японцы, были испанцы. Японское правительство отвело имъ въ глубинѣ нагазакской бухты маленькое мѣстечко и разрѣшило имъ заниматься торговлей, но со строгимъ условіемъ, чтобы дальше стѣнки, которой

было обнесено испанское селеніе, ни одинъ человѣкъ не смѣлъ никогда никуда показываться. Затѣмъ появились въ Японіи іезуиты. Вмѣстительство послѣднихъ въ религію японцевъ сильно раздражило народъ, и въ одинъ прекрасный день японцы рѣшились изгнать всѣхъ непрошенныхъ гостей—и тогда пошла рѣзня. Съ тѣхъ поръ скала Паппенбергъ сдѣлалась знаменитой и среди европейцевъ получила названіе Тарпейской.

Несмотря на такое гоненіе, европейцы все-таки не отказались отъ Японіи и еще настойчивѣе стали добиваться сношенія съ нею.

За смерть всякаго европейца, случайно попадавшаго въ Японію, японцы наказывались очень строго. Бывали случаи, что при-

Японскій воинъ старыхъ временъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

ходили цѣлыя соединенныя флотиліи иностранныхъ государствъ и громили пушками берега Японіи, наводя тамъ неописанный страхъ и ужась.

Въ то время въ Японіи было два представителя высшей народной власти, т. е. какъ бы два императора. Одинъ былъ представителемъ власти свѣтской и назывался шогунъ, другой же былъ собственно настоящій императоръ: онъ былъ представителемъ духовной власти, лицо священное и неприкосновенное; простой смертный никогда въ жизни не удостоивался видѣть лицо своего императора. Эти послѣдніе духовные императоры назывались микадо и были облечены большою таинственностью. Государствомъ правили по настоя-

•
шему шогуну, потому что все военное могущество сосредоточивалось въ ихъ рукахъ.

Въ 1868 году весь народъ раздѣлился на двѣ партіи: одна держала сторону шогуна, а другая—сторону микадо. Въ государствѣ произошелъ переворотъ, и кровопролитная междоусобная война много погубила народу.

Микадо восторжествовалъ и сдѣлался единственнымъ императоромъ Японіи. Послѣднимъ шогуномъ былъ Кеики и первымъ полновластнымъ императоромъ сто двадцать третій микадо, по имени Мутсухито; онъ царствуетъ и до сихъ поръ.

Послѣ такого переворота Японцы рѣшились совершенно сблизиться съ европейцами: они открыли имъ для свободнаго посѣ-

щенія пять приморскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ былъ также и Нагазаки. Впрочемъ, дальше этихъ пяти городовъ японцы ни за что никого не пускали; бывали даже случаи, что за дерзость появиться внутри ихъ благословенной счастливой страны японцы наказывали европейца смертью. Такое самоуправство дорого, конечно, обходилось имъ.

Европейцы, поселившіеся въ Японіи, въ свою очередь выговорили себѣ право убивать всякаго японца, преступившаго порогъ ихъ жилищъ. Это было сдѣлано изъ предусмотрительности: японцы тогда ходили еще вооруженными съ ногъ до головы, и жизнь европейцевъ не ставили ни во что; они относились къ нимъ съ большимъ презрѣніемъ.

Мнѣ рассказывалъ одинъ очевидецъ, что въ это печальное время вся страна была чрезвычайно возбуждена пролитой кровью своихъ братьевъ, и японцы ненавидѣли европейцевъ и искали всюду случая, чтобы отомстить имъ. Всѣ европейцы были тогда чрезвычайно осторожны и всегда имѣли при себѣ заряженный револьверъ.

Такое состояніе японскаго государства продолжалось недолго; японцы, какъ народъ развитой, а главное грамотный, скоро поняли, что мы, европейцы, несравненно больше знаемъ, чѣмъ они, что имъ необходимо учиться у насъ, а потому они очень скоро стали относиться къ намъ довѣрчивѣе и перенимать отъ насъ все полезное. Благодаря необыкно-

веннымъ способностямъ, трудолюбію и любознательности, японцы чрезвычайно быстро начали догонять Европу,—и теперь, т. е. только черезъ 25 лѣтъ, Японія неузнаваема во всѣхъ отношеніяхъ. Когда въ 1883 году мы пришли въ Японію, то уже, конечно, не застали съ ногъ до головы вооруженныхъ людей.

Не успѣли мы стать на якорь, какъ корабль нашъ, точно мухи, облѣпили японскія лодочки, фунэ, и на палубѣ появилось множество японцевъ. Они съ улыбающимися веселыми лицами почитительно и глубоко раскланивались съ нами, приложивъ обѣ ладони къ колѣнкамъ, и, какъ знакъ глубокаго уваженія и великой радости встрѣтиться съ нами, производили ртомъ шипящій

звукъ, втягивая сквозь зубы воздухъ. Замѣчательно комиченъ видъ японца въ его длиннополомъ халатѣ и въ присѣдающей позѣ. Эти первые наши посѣтители были торговцы и ремесленники всевозможныхъ профессій; они прѣѣхали предлагать свой товаръ и услуги. На столахъ нашей каютъ-кампаніи (столовая) появились японскіе пироги и лакомства, носящіе общее названіе кастэра. Эти подарки выражаютъ здѣсь совершенно то же, что у насъ, русскихъ, хлѣбъ-соль. Названіе кастэра собственно испанское, и оно прямо указываетъ, откуда взялись въ Японіи такіе вкусные пирожки и торты.

Что же сказать о наружности японцевъ?—Не думайте, читатель, что японецъ хоть сколько-нибудь

похожъ на китайца, котораго не рѣдкость встрѣтить въ Петербургѣ въ своемъ національномъ костюмѣ. Японцы ничего общаго съ этой націей не имѣютъ—ни по языку, ни по типу лица, ни по костюму, ни по нравамъ и обычаямъ; у нихъ общая только религія — буддизмъ, но и то не всѣ японцы признаютъ ее, а многіе придерживаются своей старой. О религіи японцевъ, впрочемъ, еще рѣчь впереди.

Въ общемъ лица ихъ въ сравненіи съ нашимъ красивымъ и благороднымъ типомъ кавказскаго племени, конечно, очень некрасивы, но они все-таки не лишены нѣкоторой пріятности, въ особенности благодаря своей подвижности, выразительности и умному взгляду.

Волосы у всѣхъ японцевъ безъ исключенія чернаго цвѣта и зачесываются въ очень замысловатую и оригинальную прическу. Съ очень недавняго времени они стали бросать эту прическу и носить волосы коротко остриженными, какъ европейцы, хотя во внутреннія провинціи эта цивилизація еще не проникла. Японки же почти всѣ продолжаютъ чесаться по-прежнему. Прическа ихъ занимаетъ чрезвычайно много времени, а потому онѣ болѣе какъ два или три раза въ недѣлю и не чешутся. Это чрезвычайно нечисто плотно, тѣмъ болѣе, что ради прически приходится мазать волосы густой и жирной помадой. Чтобы за ночь не смять головы, японцамъ пришлось изобрѣсти совершенно особенную

Спящая японка.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

оригинальную подушку: она дѣлается изъ дерева и по формѣ напоминаетъ стереоскопъ. Сверху эта подушка обивается чѣмъ-нибудь мягкимъ и во время сна подкладывается подъ шею. Голова, такимъ образомъ, остается на вѣсу, и драгоценная прическа не портится. Я думаю, надо съ дѣтства привыкать, чтобы спокойно спать на такой деревяшкѣ.

Костюмъ японцевъ не менѣе оригиналенъ и интересенъ, чѣмъ прическа. Это просто халатъ, перевязанный поясомъ. Что можетъ быть неуклюжѣе такого наряда, а между тѣмъ на японцахъ онъ нисколько не рѣжетъ глазъ; на женщинахъ же даже кажется граціознымъ. Халаты эти японцы называютъ кимоно или керимонъ, смотря по нарѣчію. Они

дѣлаются изъ прямыхъ кусковъ матеріи, которая рѣжется поперекъ и совсѣмъ не выкраивается. Халатъ имѣеть только большіе отвороты и чрезвычайно широкіе рукава, которые шьются слѣдующимъ образомъ: берутъ два аршина матеріи, складываютъ ее на-двое и сшиваютъ, выходитъ такимъ образомъ аршинный рукавъ. Сверху этотъ рукавъ на четверть пришивается къ плечу халата, такъ что подъ мышкой образуется прорѣха; снизу же рукавъ съ обѣихъ сторонъ зашиваютъ на половину, отчего нижняя его часть представляетъ собою мѣшокъ и замѣняетъ японцамъ карманъ; въ немъ они носятъ все, что нужно держать подъ рукой, и между прочимъ всегда хранятъ пучокъ тонень-

кихъ бумажекъ, употребляемыхъ вмѣсто носовыхъ платковъ. Если нужно что-нибудь достать изъ такого кармана или положить что-нибудь, то японецъ убираетъ руку въ рукавъ и затѣмъ уже опускаетъ ее на дно, гдѣ лежитъ всякая всячина. Воротъ халата большею частію шьется изъ другой матеріи и другого цвѣта. Костюмъ женщины разнится отъ мужскаго только поясомъ: у мужчинъ шелковый шнурокъ, а у нихъ широкая (въ полъ-аршина) и длинная разноцвѣтная лента; она завязывается сзади громаднымъ пушистымъ бантомъ. Такой женскій поясъ называется японски — оби. Матерія, изъ которой шьются халаты, только шелкъ или бумага. Въ Японіи шелковичный червь кормилецъ

очень многихъ; масса народа занимается разведеніемъ тутовыхъ деревьевъ и собираніемъ съ нихъ коконовъ. Хлопчатой бумаги разводится очень много.

До знакомства съ европейцами японцы не имѣли ни малѣйшаго понятія о паровыхъ и какихъ бы то ни было машинахъ. Всѣ матеріи ткались вручную, и почти такимъ же способомъ, какъ наши бабы ткуть новину. А между тѣмъ посмотрите, что это за матеріи! — Прочность ихъ несравнима съ нашими машинными, да и по красотѣ онѣ несколько не уступаютъ имъ. Только за послѣднее время, и то въ очень ограниченномъ количествѣ, японцы стали заводить фабрики съ паровыми машинами. Вообще европейская цивилизація съ каж-

дымъ годомъ все болѣе и болѣе измѣняетъ нравы, обычаи и костюмъ японцевъ: пестрота послѣдняго среди высшаго круга постепенно исчезаетъ, хотя все-таки женщины еще любятъ щеголять разноцвѣтными шелковыми халатами.

Чѣмъ богаче и знатнѣе японка, тѣмъ халатъ дѣлается длиннѣе: онъ цѣлыми волнами спускается на полъ; но этого мало: въ особенно парадныхъ случаяхъ знатныя дамы надѣваютъ на себя не одинъ, а, смотря по состоянію, до четырнадцати халатовъ разнаго цвѣта, при чемъ они надѣваются такъ, чтобы отвороты всѣхъ халатовъ были видны,—они лежатъ на груди совершенно правильными рядами одинъ на другомъ. Голову молодая японки

украшаютъ разноцвѣтными наколками, искусственными цвѣтами и всевозможныхъ формъ булавками.

Шелкъ носить почти всѣ; только самые бѣдные не позволяютъ себѣ этой роскоши и носятъ бумажныя матеріи, но это нисколько не портитъ ихъ вида, такъ какъ ихъ бумажные халаты всегда безукоризненно чисты. Мытье ихъ производится замѣчательно оригинальнымъ способомъ: прежде чѣмъ начать стирать, халатъ распарываютъ на прямыя куски, потомъ стираютъ эти куски и мокрыми натягиваютъ на доски для просушки. Затѣмъ, когда доски обсохли, куски снова наскоро сметываются — и халатъ опять готовъ.

Наконецъ, и самая обувь японцевъ не имѣетъ ничего общаго

съ нашей: вмѣсто чулка или носка на ногу надѣвается рукавица. Вы улыбаетесь, но это такъ: чулокъ имѣеть совершенно форму рукавицы, т. е. большой палець отдѣлень, и это дѣлается по слѣдующей причинѣ: вмѣсто сапогъ или башмаковъ всѣ носятъ только деревянную подошву съ подбитыми подъ носокъ и пятку баклажками; чтобы такая обувь крѣпко держалась на ногѣ, къ подошвѣ, съ носка, прикрѣплена веревочка—отъ носка она пальца на два, а потомъ идетъ на два конца, которые прибиты съ обѣихъ сторонъ пятки. Чтобы надѣть такой сапогъ, японецъ просовываетъ ногу между двумя задними веревочками, а переднюю, коротенькую, пропускаетъ между большимъ и вторымъ

пальцами. Такимъ образомъ подошва отлично держится на ногѣ, хотя во время ходьбы постоянно шлепаетъ по пяткѣ. Подбойки подъ подошвой дѣлаются довольно высокія, такъ что грязь не можетъ запачкать чулка. Кромѣ такого рода башмаковъ бѣдный классъ народа носить еще на босую ногу одну соломенную подошву.

Въ лѣтнее время всѣ японцы ходятъ большею частью съ непокрытой головой. Защитой отъ дождя и солнца городскимъ жителямъ служить бумажный промасленный, съ бамбуковымъ остовомъ, зонтикъ. Крестьянамъ, конечно, невозможно работать въ полѣ съ зонтикомъ, а потому мужики носятъ огромныя, плетенныя изъ бамбука, шляпы; фасонъ

ихъ очень похожъ на нашу перевернутую дномъ кверху хлѣбную чашку; бабы же повязываютъ голову кускомъ бумажной крашенины, совершенно такъ же, какъ и наши крестьянки, когда онѣ концы платка завязываютъ на затылкѣ. Зимой всѣ безъ исключенія повязываютъ голову кусками шелковой или бумажной матеріи.

Таковъ общій видъ одежды японцевъ. Во внутреннихъ провинціяхъ онъ сохраняется пока въ чистотѣ; но въ столицѣ и приморскихъ городахъ, открытыхъ для всѣхъ европейцевъ, благодаря постоянному сношенію съ послѣдними, очень часто можно встрѣтить комичную смѣсь нашего костюма съ національнымъ японскимъ. Ничего не можетъ

быть смѣшнѣе, какъ фигура японца, одѣтаго въ кимоно и съ цилиндромъ на головѣ, въ особенности когда этотъ японецъ важно идетъ по улицѣ, окидывая всѣхъ остальныхъ смертныхъ гордымъ взглядомъ и небрежно помахивая тросточкой. Встрѣчаются иногда и съ ногъ до головы одѣтые въ европейское платье—это чиновники въ высшихъ чинахъ. Жалко смотрѣть на такого японца, до того онъ смѣшонъ; ему, бѣдному, самому видимо неловко въ своемъ непривычномъ костюмѣ: онъ кажется только что вышедшимъ изъ толкучаго рынка, гдѣ онъ скорѣе навѣсилъ на себя, чѣмъ одѣлся въ совершенно несоотвѣтствующее его росту и фигурѣ старое мятое платье. Въ рукахъ у него

дешевый европейскій зонтикъ, а на головѣ кое-какъ надѣтая шляпа. Ноги обуты иногда въ новомодныя ботинки, но непременно со стоптанными каблуками, потому что японцы выбираютъ себѣ сапоги посвободнѣе, чтобы не затекала непривычная къ нашей обуви нога. Къ этому, чтобы дополнить картину, прибавьте торчащей изъ-подъ брюкъ, свѣсившейся на ботинку, носокъ. Но не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что всѣ безъ исключенія японцы такъ дурно носятъ нашъ костюмъ; тѣ немногіе, которые побывали въ Европѣ и приобрѣли привычку къ европейскому платью, одѣваются элегантно и носятъ великолѣпно накрахмаленное бѣлье. Теперь, въ настоящую минуту, всѣ безъ исключе-

нія государственные чиновники обязаны носить европейское платье. Сановники одѣваются въ мундиры, шитые золотомъ, въ родѣ нашихъ придворныхъ. Самъ императоръ, наконецъ, подавая примѣръ своимъ подданнымъ, перемѣнилъ свой національный пышный нарядъ на фракъ, шитый золотомъ. Нужно сказать, что всѣ эти костюмы чрезвычайно не къ лицу японцамъ; они гораздо лучше казались въ своихъ родныхъ одеждахъ.

Но не пустое подражаніе европейцамъ заставило правительство перемѣнить костюмъ своего народа. Здѣсь совершается теперь то же, что происходило у насъ при Петрѣ Великомъ. Одежда очень часто, помимо насъ самихъ, производитъ рѣшительное влія-

ніе на нравы и обычаи. Японскій же императоръ рѣшилъ перемѣнить свою старую цивилизацію на европейскую, и потому перемѣна одежды была необходима. Всему неслужащему въ правительственныхъ учрежденіяхъ люду предоставлена на этотъ счетъ полная свобода, и мирные граждане сами слишкомъ торопятся сбросить съ себя удобные и широкіе халаты.

III.

Городъ Нагазаки имѣеть до 200,000 населенія. Громадный городъ, и притомъ старинный. По всей вѣроятности мы увидимъ тамъ великолѣпныя древнія сооруженія, памятники и т. д., и т. д. Но что за разочарованіе! Вотъ мы теперь подходимъ къ нему на фунэ, смотримъ—и передъ нами, у подножія холма, на обширномъ пространствѣ, вмѣсто ожидаемыхъ громадныхъ зда-

Городъ Нагазакн.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

ній, разсыпаны какіе-то старыя почернѣлыя кубики - дома, и ни одного выдающагося сооруженія. Это видъ города снаружи.

Подъѣзжаемъ къ пристани, выходимъ—и на насъ набрасывается цѣлая толпа полуодѣтыхъ японцевъ съ громкими криками: ша! ша! ша!.. Они одинъ передъ другимъ стараются протискаться къ намъ. Мы въ недоумѣніи, не можемъ понять, въ чемъ дѣло. Но все скоро разъясняется: это японскіе извозчики — и такіе, какихъ навѣрно нѣтъ нигдѣ во всемъ мірѣ. Представьте себѣ, что здѣсь вмѣсто лошадей сами люди впрягаются въ оглобли. Что за причина этому? Неужели же японцамъ до сихъ поръ не пришло въ голову воспользоваться лошадыю, не только какъ вьюч-

нымъ животнымъ, но и упряж-
нымъ?

Нѣтъ, это не потому; во всемъ виновата сама чрезвычайно гористая страна: она не позволяетъ прокладывать удобныя проѣзды для колеса дороги. Въ городахъ улицы еще довольно гладки, но постоянно идутъ то въ гору, то подъ гору. Кромѣ того очень часто бываетъ, что по длинѣ улицы ради очень крутого спуска устраивается во всю ширину дороги каменная лѣстница. Въ Нагазаки такихъ улицъ очень много.

Теперь совершенно понятно, почему и въ городахъ нельзя имѣть такихъ же экипажей, какъ наши; между тѣмъ какъ японскій извозчикъ, довезя васъ до такой лѣстницы, очень вѣжливо

просить васъ выйти и спуститься по лѣстницѣ пѣшкомъ. Самъ онъ взваливаетъ колясочку на плечи и слѣдуетъ за вами. Спустившись или поднявшись по лѣстницѣ, вы спокойно продолжаете путь въ коляскѣ, которая, очевидно, и дѣлается легонькой съ этою цѣлью; она очень изящной работы, въ два колеса, съ крытымъ верхомъ и только на одного сѣдока. Для облегченія извозчика во время бѣга коляска устроена такъ, что когда пассажиръ сядетъ въ нее и извозчикъ подниметъ оглобли, то тяжесть сѣдока перевѣшиваетъ кузовъ назадъ, а извозчику приходится нажимать оглобли внизъ; такимъ образомъ коляска сама во время бѣга приподнимаетъ извозчика и значительно облегчаетъ его.

Цѣна извозчику поразительно мала. Съ насъ, европейцевъ, вообще за все брали дороже; но за самый большой конецъ никто не спрашивалъ дороже десяти сень, т. е. двугривеннаго на наши деньги. (Въ Японіи деньги считаются на іены—это около рубля тридцати коп. золотомъ. Въ іенѣ сто сень).

Японцы-извозчики, совершенно такъ же, какъ и наши, стоятъ на углахъ и вдоль улицъ, любезно предлагая свои услуги. Японцы называютъ ихъ «джинъ-рики-ша»: это значитъ «человѣкъ-лошадь»; ша—это просто приставка. Вотъ почему они и кричатъ: ша! ша! когда предлагаютъ вамъ ѣхать.

Мало жалѣютъ себя эти японцы: они летятъ доброй, крупной рысью и только изрѣдка покри-

киваютъ прохожимъ: «гоменна-сай!», т. е. «извините!» Между тѣмъ это занятіе губительно дѣйствуетъ на здоровье. Ни одинъ джинъ-рики-ша не доживаетъ до старости: учащенное, неправильное дыханіе во время частаго, быстраго бѣга, остановки въ разгоряченномъ состояніи на свѣжемъ воздухѣ — все это очень быстро разрушаетъ здоровье; они заболѣваютъ чахоткой, которая скоро сводитъ ихъ въ могилу.

Раньше всѣ извозчики бѣгали голыми, съ одной повязкой на бедрахъ въ родѣ юбочки; все же тѣло они себѣ татуировали, т. е. покрывали вѣчными рисунками, синяго и краснаго цвѣта. Татуировка въ былыя времена была очень распространена въ Японіи, но теперь правительство запрети-

ло ее; до сихъ поръ впрочемъ остались еще искусные мастера-художники рисованія на кожѣ. Флотскіе офицеры всѣхъ націй большіе охотники до такой татуировки: почти всякій непремѣнно увѣковѣчитъ свое пребываніе въ Японіи какимъ-нибудь рисункомъ на рукѣ.

Татуировка производится накалываніемъ на кожѣ рисунка пучками иглокъ, которыя обмакиваютъ въ тушь или желѣзный сурикъ; только однѣ эти краски допускаются при татуировкѣ, остальные же считаются вредными.

Съ приходомъ европейцевъ правительство заставило джинъ-рики-ша одѣваться въ коротко-полый халатъ и узкіе въ обтяжку панталоны.

Кромѣ одиночнаго извозчика не рѣдкость встрѣтить и парныхъ: тогда одинъ бѣжить въ оглоб-

Джинъ-рики-ша.

ляхъ, а другой спереди, держа черезъ плечо веревку, привязанную за оглобли, или сзади

и все время подталкиваетъ колясочку.

Въ джинъ-рики-ша идетъ только самый бѣдный людъ; однако въ столицѣ Тоокіо такихъ извозчиковъ насчитываютъ до 50,000.

До появленія на свѣтъ такой колясочки самымъ распространеннымъ способомъ передвиженія—какъ въ городахъ, такъ и между городами и селами—были носилки, по устройству совершенно схожія съ китайскимъ паланкиномъ; онѣ называются норимоно — это двѣ или одна длинная палка и къ ней подвѣшено или просто открытое сидѣніе или цѣлая будочка. Норимоно несутъ двое, четверо и даже восемь человѣкъ, если сѣдокъ знатный. И до сихъ

поръ во внутреннихъ провинціяхъ не рѣдкость встрѣтить такого рода носилки; туда еще не проникла европейская цивилизація.

Итакъ, я сказала, что японцы, окружившіе насъ на пристани съ громкими криками, оказались джинъ-рики-ша. Мы, каждый, наняли по телѣжкѣ и длинной вереницей гуськомъ поѣхали по городу. Какъ неприятно, какъ стыдно было ѣхать первый разъ на такомъ извозчикѣ; совѣсть мучила слышать это запыхавшееся, частое дыханіе такого же, какъ ты самъ, человѣка. Но, должно быть, дѣйствительно ко всему можно привыкнуть: можете себѣ представить, что послѣ долгаго пребыванія въ Японіи я не только не совѣстился садиться на тако-

го извозчика, но (мнѣ въ этомъ непріятно сознаться) даже просилъ ѣхать скорѣе, когда тотъ начиналъ уставать.

Мы ѣдемъ по чрезвычайно узенькимъ, чистымъ улицамъ; направо и налево сплошной рядъ почернѣлыхъ отъ времени двухъ-этажныхъ деревянныхъ домиковъ; нѣкоторые изъ нихъ оштукатурены и крыты черепицей, остальные же просто некрашенные, деревянные. По всей вѣроятности, думаю я, мы еще за чертой города, оттого и не встрѣчаются большіе, восточной архитектуры, дома. Но вотъ мы поворачиваемъ еще въ улицу, еще и еще—и все то же: все то же многолюдное пестрое движеніе, все тѣ же однообразные деревянные домики. Что же это зна-

читать? Неужели и всѣ города такіе? — задаешь себѣ опять вопросы.

Дѣйствительно, впоследствии мы убѣдились, что всѣ города, не исключая и двухъ столицъ съ миллионными населеніями, имѣютъ совершенно одинаковый характеръ: всюду только двухъэтажные деревянные домики. Трехъэтажные — большое исключеніе.

Предположеніе, что японцы недостаточно еще развились, чтобы умѣть пользоваться природнымъ камнемъ или дѣлать искусственный, какъ мы, кирпичъ, сейчасъ же разлетается въ пухъ, когда вспомнишь, что въ Японіи въ среднемъ бываютъ чуть не по три землетрясенія въ день. Страшно себѣ представить, что бы случилось напримѣръ съ Нагазаки послѣ

землетрясенія, если бы въ немъ были настроены четырехэтажные каменные дома.

Эластичный же, чрезвычайно легонькій домикъ японца терпѣливо выноситъ небольшія колебанія почвы. Благодаря этому и постройка японскаго дома отличается удивительной легкостью: это просто игрушечный домикъ. Основой всему служатъ нѣсколько чисто выструганныхъ, не толстыхъ столбовъ, врытыхъ въ землю; вверху и внизу они связываются поперечными брусьями, на которые настилаютъ полъ и потолокъ, затѣмъ кроется крыша. Стѣнъ совсѣмъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ два ряда сдвижныхъ рамъ, на аршинномъ разстояніи рядъ отъ ряда. Наружныя рамы сдѣланы изъ сплошнаго дерева, а внутреннія—

это просто рѣшетки, заклеенныя бумагой вмѣсто стеколъ; стекло только кое-гдѣ въ клѣткахъ этихъ рамъ. Наружныя рамы задвигаются только на ночь и на все время зимой.

Вотъ и вся незатѣйливая архитектура японскаго жилища. Когда проносится по Японіи бичъ—тайфунъ, или случится въ городѣ пожаръ, то эти домики исчезаютъ съ изумительной быстротой и въ огромномъ количествѣ; цѣлые кварталы города положительно стираются съ лица земли. Мнѣ случилось присутствовать на пожарѣ въ одномъ изъ городовъ, а именно въ Іокогамѣ (недалеко отъ столицы Тоокію). Это былъ грандіозный пожаръ, зрѣлище поистинѣ изумительное: въ какіе-нибудь два часа выгорѣло до

двухъ тысячъ домовъ. Впрочемъ черезъ двѣ недѣли я съ трудомъ отыскалъ мѣсто пожарища: все было застроено, и жизнь попрежнему кипѣла здѣсь съ обычной энергіей. Долго ли въ самомъ дѣлѣ выстроить японскій домъ, когда его можно почти готовымъ по частямъ купить въ лавкѣ (торговля готовыми домами въ разобранномъ видѣ въ Японіи существуетъ).

Такія несчастія, какъ пожары и ураганы, довольно часто посѣщаютъ бѣдныхъ японцевъ. Въ одно столѣтіе городъ, навѣрное, перестраивается не одинъ разъ.

Жители города Нагазаки уже настолько привыкли къ европейцамъ, что наше присутствіе, по видимому, даже нисколько не привлекало вниманія этой много-

людной толпы, которая, точно муравьи въ своемъ муравейникѣ, двигалась по всѣмъ улицамъ.

Уличная жизнь течетъ въ Япо-
ніи удивительно дѣятельно, жи-
во и увлекательно; вы, какъ въ
полуснѣ, какъ въ какомъ-то опья-
нѣніи, движетесь среди этой пе-
строй толпы по чистымъ улиц-
камъ, мимо опрятныхъ домиковъ.
Все для васъ ново, все интересно
и вызываетъ удивленіе. Прежде
всего васъ поражаютъ нескон-
чаемые ряды лавокъ: можно безъ
преувеличенія сказать, что нѣтъ
дома безъ лавки; нижній этажъ
какъ будто и строится для этого.
Лавки открыты во всю стѣну, онѣ
передъ вами на-лицо; вы останав-
ливаетесь передъ каждой, и каж-
дая приковываетъ ваше внима-
ніе: это не просто торговля раз-

ложенными товарами, а тутъ же, на виду, передъ глазами покупателя, и фабрикація тѣхъ предметовъ, которыми торгуютъ. Все дѣлается руками, однимъ трудомъ и терпѣніемъ, безъ всякой помощи пара или какого-нибудь другого двигателя. Мы прошли, можетъ быть, двадцать лавокъ подъ рядъ и не встрѣтили двухъ похожихъ. Въ первой—кондитерская—тутъ же на вашихъ глазахъ чисто и опрятно японки приготавлиють конфекты всевозможныхъ цвѣтовъ и сортовъ; мука, вода и сахаръ главные продукты для этой фабрикаціи. Изъ сосѣдней лавки слышатся стукъ молотка и шумъ рубанка: здѣсь столярная мастерская; рассматривайте одну вещь за другою и вы убѣдитесь, что японцевъ можно назвать первы-

ми столярами въ мірѣ. Слѣдующая лавка представляетъ изъ себя мастерскую шитья шелками. Мужчины и женщины одинаково занимаются этой работой, сидя на полу, поджавши ноги и низко согнувшись надъ пяльцами. Знакомый рисунокъ шитья сразу бросается въ глаза: на однихъ пяльцахъ вы видите русскаго двуглаваго орла, на другихъ американскій гербъ, на третьихъ чьи-то національные флаги и т. д. Очевидно, сношеніе съ европейцами создало новый промыселъ. Мастерская слѣдующей лавки окончательно поражаетъ васъ: тутъ фабрикація иглокъ; ихъ дѣлаютъ изъ проволоки, отъ самой тоненькой до самой толстой. Сколько нужно терпѣнія, чтобы просверлить рукой въ тончайшей

иголкѣ тончайшее ушко! Далѣе идетъ лавка съ разными матеріями, красиво развѣшенными на показъ публикѣ; потомъ съ восковыми свѣчами, которыя тоже дѣлаются на вашихъ глазахъ; потомъ слѣдуетъ лавка съ съѣстными припасами—и т. д. до безконечности. Торговцы удивительно любезны и обязательны: вы можете безъ конца удовлетворять вашему любопытству, пересмотрѣть и перебрать всю лавку, и японцы терпѣливо покажутъ все. Буквально, иногда часами просиживали мы на ступенькахъ лавки, изучали, любовались и съ удивленіемъ разсматривали всевозможныя вещицы.

Оторвитесь теперь отъ лавокъ и ступайте просто по улицамъ—вы непременно въ каждой уви-

дите что-нибудь интересное и непривычное для вашего глаза. Вы встрѣчаете, на примѣръ, фокусниковъ и акробатовъ, славящихся своимъ искусствомъ на весь міръ. Вѣдь первые шпагоглотатели появились въ Европѣ съ востока, и мы считаемъ такого фокусника рѣдкостью. Здѣсь же это не диковинка: японцы, кромѣ шпагъ, глотаютъ длинныя закуреныя трубочки и потомъ спокойно пускаютъ дымъ изъ носа. Эквилибристика также поразительна: на примѣръ, здоровый и мускулистый японецъ держитъ на подбородкѣ наклонно высокую бамбуковую лѣстницу, по этой лѣстницѣ влѣзаетъ на самый верхъ маленькій мальчуганъ и дѣлаетъ тамъ всевозможныя гимнастическія упражненія; большой япо-

нецъ зорко слѣдитъ за всѣми движеніями мальчика и все время сохраняетъ въ равновѣсїи наклонную лѣстницу. Наши европейскіе уличные акробаты имѣютъ всегда жалкій видъ и своей нищетою производятъ удручающее впечатлѣніе; здѣсь же этого нѣтъ, и дѣти-гимнасты имѣютъ бодрый, веселый и здоровый видъ.

Въ слѣдующей улицѣ не меньшее движеніе; здѣсь густая толпа народа идетъ за японцемъ въ большихъ очкахъ и съ книгой въ рукахъ. Это — ходячій историкъ: онъ читаетъ о старыхъ событіяхъ въ отечествѣ. Вся награда ему за трудное долгое чтеніе на ходу — мелкія монеты, бросаемаыя въ рукавъ благодарными слушателями.

На улицѣ же сбоку, у какой-нибудь лавки, расположился ходячій брадобрей; прохожіе одинъ за другимъ непрерывно садятся на его рабочій ящикъ и подставляютъ свои шершавые подбородки. Японцы усовъ и бороды не носятъ.

На встрѣчу вамъ постоянно попадаютъ разносчики со всевозможнымъ товаромъ на лоткахъ; они снуютъ по всѣмъ направленіямъ. Ваше вниманіе неожиданно привлекается слѣдующей сценой: прохожій японецъ останавливаетъ другого съ лакированнымъ ящикомъ въ рукахъ и начинаетъ ему что-то оживленно объяснять, показывая на голову; тотъ беретъ руку, щупаетъ пульсъ, пробуетъ голову, затѣмъ раскрываетъ свой ящикъ

и даетъ какое-то снадобье. Ваше первоначальное недоумѣніе разсѣивается: вы догадываетесь, что это ходячій лѣкарь. Дальше опять вы видите кучку людей, толпящихся вокругъ какого-то японца; вы приближаетесь и видите, что тутъ происходитъ лотерея (онѣ очень развиты въ Японіи), и т. д., и т. д.

Вся эта тысячная пестрая толпа движется по улицамъ не спѣша, безъ шума, съ веселыми и довольными лицами.

Вечеромъ видъ города еще красивѣе и фантастичнѣе: онъ весь иллюминуется разноцвѣтными бумажными фонариками, вся двигающаяся толпа людей замѣняется мельканіемъ безконечнаго количества огненныхъ пестрыхъ шариковъ,—у cadaго японца въ

рукахъ, на гибкой бамбуковой палочкѣ, бумажный фонарикъ съ восковой свѣчкой.

Чѣмъ чаще видишь японскій городъ, чѣмъ дольше живешь въ немъ, тѣмъ грустнѣе съ нимъ разставаться: не устаешь тамъ прогуливаться, не устаешь восхищаться безконечнымъ разнообразіемъ.

Но вотъ начинается весна, наступаетъ нескончаемое дождливое время. Вся Японія неузнаваема: она становится угрюмой и какъ будто засыпаетъ. Городская жизнь и дѣятельность приостанавливаются, улицы становятся пусты, большая часть лавокъ заперта. Только изрѣдка появляется рабочій людъ—въ своихъ оригинальныхъ соломенныхъ дождевикахъ и въ огромной бамбуко-

вой шляпѣ. Дождь есть предлогъ для общаго бездѣлья: работники приостанавливаютъ свою работу, чиновники не идутъ на службу; всѣ японцы запираются въ свои домики и скрываются отъ дождя, какъ улитка прячется въ свою раковину отъ солнца.

Вся Японія испещрена каналами. Ихъ особенно много вокругъ столицы Тоокію; они соединяются съ городскими каналами и служатъ великолѣпными путями сообщенія столицы съ внутренними провинціями. На каналахъ этихъ жизнь не менѣе дѣятельна, чѣмъ на улицахъ: они загромождены морскими японскими кораблями или джонками. Тутъ кипитъ работа, усердно и безъ шума трудятся перевозчики и ку-

Японская лодка — фунэ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATION, C.

ли (кули—это названіе, данное европейцами всему чернорабочему люду на востокѣ; ихъ занятіе то же, что и нашихъ крѣпичниковъ). Говорятъ, что этотъ людъ пользуется въ Японіи самой дурной репутаціей изъ всѣхъ остальныхъ трудящихся; однако вся ихъ работа производится безъ всякаго шума и грубости. Вообще въ Японіи брань очень рѣдка, даже среди низшаго сословія. Спорятъ они, правда, долго, болтаютъ безконечно, но никогда вы не увидите ссоры, драки и насилія. Это совѣтъ не похоже на нашу чернь, которая безъ брани не начинается, кажется, никакого дѣла.

Въ праздничные дни картина каналовъ мѣняется: на нихъ появляются красивыя большія фунз;

съ большими каютами посрединѣ. Медленно и плавно скользятъ они по гладкой поверхности каналовъ и везутъ съ собой цѣлыя общества отправляющихся на прогулку. На крышахъ каютъ живописно располагаются и весело болтаютъ пестрыя группы разряженныхъ молодыхъ японцевъ и мусуме, т. е. молодыхъ японскихъ дѣвушекъ. Всѣ мосты, всѣ берега каналовъ полны густой толпой. Беззаботно съ увлеченіемъ гуляютъ и забавляются добродушные японцы.

Веселье у этого народа на первомъ планѣ. Они пока еще не научились у европейцевъ собирать и копить деньги для своихъ потомковъ; они разсуждаютъ такъ: живи, трудись и работай, чтобы жить и веселиться —

жизнь не длинна. Многіе японцы впрочемъ ужъ черезчуръ недобросовѣстно пользуются этимъ разсужденіемъ: они долго и упорно сидятъ дома, работаютъ и копятъ деньги; но вотъ насталь праздникъ—и загулялъ японецъ, забылъ семью, свой долгъ, обязанности: кутить и знать ничего не хочетъ. Эта черта, къ сожалѣнію, очень развита между японцами. Но скоро, скоро наступить конецъ безшабашной и безпечной жизни этого народа: европейцы все больше и больше наводняютъ Японію и всюду, гдѣ только можно, перебиваютъ самый крупный заработокъ у нихъ. Поняли японцы, что приходится бросить старую жизнь, нельзя уступать европейцамъ, надо выхватить у нихъ и то, что тѣ уже

успѣли забрать въ свои руки. Научились они мѣрить время золотомъ, поняли, что нельзя бросать его даромъ. Посмотрите, напримеръ, какъ они умно и терпѣливо забрали въ свои руки пароходство между портами Японіи и Китая, которое завели ради громадныхъ барышей европейцы. Еще съ давнихъ временъ Японія вела обширную торговлю съ Китаемъ, но вся перевозка товаровъ происходила на парусныхъ японскихъ джонкахъ. Европейцы, конечно, сейчасъ же замѣтили, что на этомъ можно нажить громадныя капиталы, и привели изъ Англии и Америки множество громадныхъ пароходовъ и завели правильные рейсы между портами Китая и Японіи. Очевидно, всѣ товары пошли

вмѣсто джонокъ на эти пароходы, во-первыхъ потому, что товаръ доставлялся чуть не въ пять разъ скорѣе, а во-вторыхъ потому, что его не приходилось разбивать на нѣсколько маленькихъ джонокъ. Это событіе сразу дало себя почувствовать, когда тысяча хозяевъ джонокъ остались безъ работы и лишились заработка.

Надо было поправить дѣло, а это очень трудно, потому что японцы не умѣли тогда обращаться съ пароходами. Но они все-таки составили громадную компанію подъ названіемъ Миць-Биши (три алмаза), накупили пароходовъ, наняли на нихъ командирами и матросами иностранцевъ и стали пускать эти пароходы рядомъ съ иностранными.

За перевозку товаровъ они брали такъ мало, что, конечно, весь грузъ опять началъ переходить въ ихъ руки. Очевидно, они несли огромные убытки, но не меньшіе убытки терпѣла и европейская компанія. Эти два пароходныхъ общества боролись довольно долго, но наконецъ европейцы не выдержали и должны были продать свои пароходы компаніи Мицъ-Биши. Тогда японцы стали понемногу набавлять цѣну за перевозку товаровъ и получать барыши. Но этимъ дѣло еще не окончилось: японцамъ все-таки было досадно, что ихъ пароходами управляютъ европейцы, и эту неприятность они устранили очень скоро: прежде всего на свои пароходы они послали своихъ людей учиться у

европейскихъ матросовъ, кочегаровъ и машинистовъ. Постепенно число японцевъ они прибавляли, а европейцевъ убавляли. Скоро изъ корабельной прислуги ни одного человѣка не было иностраннаго. Затѣмъ въ помощники командирамъ они тоже дали своихъ образованныхъ молодыхъ людей, и когда тѣ выучились, то европейцамъ отказали, а своихъ сдѣлали командирами. Такимъ образомъ на японскихъ пароходахъ больше уже не служатъ иностранцы, и въ данный моментъ компанія Мицъ - Биши имѣетъ огромное количество парусныхъ и паровыхъ кораблей, и ея флагъ развѣвается во всѣхъ приморскихъ городахъ Японіи и очень часто виденъ за границей на востокѣ.

Этотъ фактъ можетъ служить прекраснымъ примѣромъ для доказательства ума и терпѣнія японцевъ.

IV.

Съ какимъ любопытствомъ и интересомъ я вошелъ въ первый разъ въ японскій домъ: меня встрѣтила вся семья съ удивительнымъ радушіемъ и любезностью; поклонамъ съ неизмѣннымъ всасываніемъ въ себя воздуха и прикладываніямъ рукъ ко лбу не было конца. Съ перваго уже шага я сдѣлалъ большую неловкость и, пожалуй, даже невѣ-

жество въ отношеніи хозяевъ: я вошелъ въ комнаты въ сапогахъ. Мнѣ не дали, конечно, даже и намека на это, изъ деликатности, но я самъ замѣтилъ, во-первыхъ потому, что вся семья была въ чулкахъ, а во-вторыхъ, мнѣ самому бросились въ глаза слѣды моихъ ботинокъ на безукоризненно чистыхъ желтыхъ и мягкихъ соломенныхъ циновкахъ, которыми сплошь были выстланы всѣ полы. Я поспѣшилъ снять сапоги, и вся семья опять начала кланяться и шипѣть съ довольными, улыбающимися лицами.

Прежде всего васъ поражаетъ во всѣхъ уголкахъ японскаго жилища безукоризненная чистота и порядокъ, затѣмъ—отсутствіе мебели. Всякая работа, всякія занятія производятся японцами, сидя

на полу, съ поджатыми подъ себя ногами. Во всемъ домѣ вы не видите ни одной печки. Невольно являются вопросы: что должно происходить въ этихъ жилищахъ зимой и какъ японцы готовятъ себѣ пищу? Пища готовится на маленькихъ каменныхъ жаровняхъ, а отъ зимняго холода они избавляются слѣдующимъ образомъ: посреди комнаты, въ полу, прорѣзывается четырехугольная дыра, обложенная чѣмъ-нибудь, не боящимся огня. Въ этомъ ящикѣ насыпана почти до верху зола, и на ней тлѣютъ угли. Вотъ тутъ-то, вокругъ этого очага, и грѣются японцы; тутъ вся семья проводитъ все свое свободное время и производитъ всѣ свои мирные семейные разговоры и занятія.

Въ долгіе зимніе вечера ставятся около этого очага, называющагося хи-бачи, высокіе желѣзные под-свѣчники съ восковыми свѣчами и идутъ нескончаемыя бесѣды. Когда наступаетъ время спать, то угли тушатся, горячая зола закрывается тонкими тюфяками, и семья ложится на нихъ, закрываясь сверху толстыми ватными одѣялами.

Японцы спятъ въ одеждѣ, для чего существуютъ особенные ночные халаты. Намъ, европейцамъ, неуютно и подумать о тѣхъ неудобствахъ и непріятностяхъ, какія пришлось - бы испытывать, если-бы мы вздумали попробовать выспаться японскимъ способомъ на японской подушкѣ.

Кромѣ этихъ главныхъ мѣстныхъ хи-бачи есть еще неболь-

шіе переносные, въ видѣ ящичковъ, наполненныхъ золой; они разставлены въ разныхъ комнатахъ. На такомъ маленькомъ хи-бачи всегда почти стоитъ таганчикъ и на немъ чайникъ съ чаемъ или теплой водой. Японцы сырой холодной воды не употребляютъ почти никогда. Около такого хи-бачи тоже собираются поболтать и покурить трубочки.

Куреніе еще въ давнія времена занесено въ Японию и пустило здѣсь глубокіе корни. Японцы начинаютъ курить съ очень ранняго возраста и курятъ всѣ, и мужчины, и женщины. Кисеть и футляръ съ трубкой всегда у нихъ за поясомъ; тутъ - же, вмѣсто спичекъ, трутъ, огниво и кремень. Если захочется японцу

покурить, то онъ, зашипнувъ изъ кисета табаку, свертываетъ его въ горошинку и засовываетъ въ трубочку величиной съ поль-скорлупы лѣснаго орѣха; затѣмъ закуриваетъ, затянется на-скоро раза два—три, выколотитъ пепель и—опять трубочку за поясъ, на мѣсто. И такъ круглый день. Если же японецъ свободенъ, то онъ не отходить отъ хи-бачи и цѣлый день сидитъ, курить и мечтаетъ. Трубочка дѣлается всегда изъ мѣди, мундштукъ тоже, а чубукъ изъ тонкаго длиннаго бамбука, кисеть — изъ кожи и футляръ—изъ лакированнаго дерева; эти аксессуары для куренія бываютъ иногда драгоцѣнной и замѣчательной работы. Японскій табакъ слабый, сладкій на вкусъ и рѣжется очень мелкими волокнами.

Когда собираются въ семью гости и начинается куреніе и разговоры вокругъ хи-бачи, то хозяинъ, какъ знакъ уваженія своему посѣтителю, набиваетъ трубочку и, закуривъ ее, съ глубокимъ поклономъ передаетъ гостю; тотъ съ такимъ же поклономъ принимаетъ трубочку, выкуриваетъ, потомъ набиваетъ, закуриваетъ и опять передаетъ ее хозяину. Это повторяется по нѣскольку разъ. Мнѣ самому приходилось упражняться въ такой церемоніи.

Жизнь японца полна церемоніями; на примѣръ за обѣдомъ, особенно за званымъ и параднымъ; онѣ безъ счету. Мнѣ нерѣдко приходилось обѣдать у японцевъ, и каждый обѣдъ доставлялъ больше мученія, чѣмъ удовольствія.

Мои ноги затекали отъ непривычки выспдѣть на полу полтора часа, поджавши ихъ подъ себя. Представьте мое удивленіе, читатель, когда передо мной и передъ каждымъ членомъ семьи поставили по маленькому лакированному столику, сплошь уставленному чашечками всевозможныхъ величинъ безъ ручекъ: онѣ всѣ были наполнены разными кушаньями. Я съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на свой столикъ и раздумывалъ, какъ мнѣ начать ѣсть, когда на немъ нѣтъ ни тарелки, ни ложки, ни ножа, ни вилки, а лежатъ только палочки, напоминающія по формѣ наши карандаши. Мое удивленіе удвоилось, когда рядомъ съ моимъ столикомъ поставили кадочку съ горячимъ варенымъ рисомъ, внесли

Обѣдъ японцевъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY.

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

пылающую жаровню и нѣсколько сырыхъ кушаній. Я не принимался, конечно, ѣсть, пока не начали мои хозяева. Каждый изъ нихъ взялъ въ правую руку по двѣ палочки, а въ лѣвую какую-нибудь чашечку съ кушаніемъ; жидкость они прямо пили изъ чашечекъ, а кусочки поразительно ловко вылавливали и клали въ ротъ палочками. Я послѣдовалъ ихъ примѣру, но палочки не слушались, и все летѣло обратно въ чашечку, къ дружному и веселому смѣху хозяевъ; они начали очень усердно учить меня этому искусству, но дѣло подвигалось плохо. Кушанья, поданныя въ сыромъ видѣ, хозяйка тутъ же готовила на жаровнѣ и угощала насъ. Рисъ въ кадочкѣ замѣняетъ японцамъ хлѣбъ; они черпаютъ

его чашечками и тѣми же палочками кладутъ въ ротъ. Многія изъ блюдъ приготовлены очень вкусно, но инныя я положительно не могъ ѣсть, напримѣръ, угря, жаренаго съ сахаромъ. вмѣсто соли подается соленая рѣдька или огурцы, нарѣзанные на маленькіе кусочки; обыкновенной соли за столомъ не подаютъ. Почти всякую ѣду запиваютъ рисовой теплой водкой, называемой саки. Эту водку, пьютъ теплой; она очень слаба на вкусъ, но и ею иногда напиваются до пьяна. Первую чарку во время обѣда выпиваетъ хозяинъ и, наливъ снова, передаетъ гостю, и чарка идетъ въ круговую. Боже сохрани отказаться отъ поднесенной хозяиномъ чарки, — кровная обида!

Главная пища японцевъ рисъ, рыба и овощи. Мясо я встрѣчалъ только куриное, нарѣзанное въ сыромъ видѣ на тонкіе ломтики; его жарятъ передъ самой ѣдой съ зеленымъ лукомъ.

Послѣ одного изъ такихъ обѣдовъ хозяинъ дома предложилъ мнѣ прогуляться по саду. Садъ былъ небольшой, но представлялъ собою оригинальное зрѣлище: тутъ были горы, рѣки, озера, острова, скалы, пещеры, лѣса и т. д., и т. д.—словомъ, цѣлая фантастическая страна въ миниатюрѣ; всѣ деревья были карлики отъ природы. Японцы страстные любители устроить такіе садки и подражать въ нихъ грандіозной природѣ. Въ своихъ маленькихъ озерахъ и рѣкахъ они разводятъ всевозможныхъ ры-

бокъ и водныхъ животныхъ. Маленькій, краснаго цвѣта, краббъ (морской ракъ) пользуется особой любовью японцевъ: они до того его приручаютъ, что это животное узнаетъ даже своего хозяина; стоитъ только послѣд-
нему постучать въ камень на берегу—и красненькія лапки показываются изъ воды, краббъ выползаетъ на берегъ и бокомъ-боккомъ быстро бѣжитъ къ своему хозяину. Такіе садики очень распространены въ Японіи, и они такъ хороши, что можно подолгу любоваться этой игрушкой взрослыхъ и удивляться терпѣнію японцевъ.

Конечно, кромѣ такихъ садиковъ въ городахъ есть и настоящіе громадныя сады, напримѣръ въ столицѣ Тоокіо есть садъ, за-

нимающій по своему протяженію нѣсколько верстъ. Это прекрасный садъ: эффектные и изящные виды природы оживляются тамъ маленькими японскими домиками, называемыми чайными домами: здѣсь усталые и утомленные туристы и любители природы могутъ найти отдыхъ и прохладительные напитки.

Жена японца, у котораго я былъ въ гостяхъ, поразила меня своей наружностью: она была безъ бровей и съ совершенно черными зубами. Я и раньше еще часто встрѣчалъ японокъ съ такими обезображенными лицами, но никакъ не могъ понять, что это значить. Оказывается, что всѣ дѣвушки съ выходомъ замужъ, въ знакъ покорности мужу, обязаны сбрить себѣ брови и зачер-

нить особой краской зубы. Этотъ обычай чернить зубы ведется въ Японіи съ давнихъ поръ: прежде всѣ придворные при микадо ходили безъ бровей и съ черными зубами;—это было знакомъ глубокаго уваженія къ особѣ императора. Знакомство съ европейцами совершенно измѣнило нравы императорскаго двора, и теперь, конечно, тамъ давно уже нѣтъ этого обычая. Для замужнихъ же женщинъ этотъ обычай остался въ полной силѣ.

На матери семейства лежатъ всѣ трудныя обязанности по домашнему хозяйству. Восточные нравы еще не исчезли въ Японіи, а потому мужъ относится къ женѣ съ большимъ высокопріемъ и смотритъ на нее скорѣе какъ на служанку. Тяжело ей

приходится, бѣдной, и потому она скоро старится и скоро дѣлается очень некрасивой. Вотъ и теперь, когда я обѣдалъ у этого японца, то жена его не сидѣла вмѣстѣ съ нами, а все время только прислуживала.

Лучше всего живется въ Японіи дѣтямъ; нѣтъ, я думаю, ни одного государства, гдѣ бы такъ много заботились объ нихъ. Одинъ писатель говоритъ даже, что Японія — это рай дѣтей. Съ самыхъ первыхъ дней появленія на свѣтъ ребенка всѣ окружаютъ его самой горячей заботливостью. Родители стараются предупредить всякій плачь ребенка и избавить его отъ всякихъ мученій и страданій: «много еще», думаютъ они, «онъ и безъ того въ жизни горя натерпится». Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ

столько игрушечныхъ лавокъ, какъ въ Японіи; лавки съ дѣтскими нарядами вы встрѣтите чуть не на каждомъ шагу, а про сласти и говорить нечего,—и это не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Тысячи сказокъ и разсказовъ знаютъ отецъ и мать и забавляютъ ими своихъ дѣтей. Улицы городскія переполнены дѣтьми; они весело и беззаботно, безъ всякаго опасенія помѣшать кому-нибудь или надоѣсть, играютъ здѣсь во всевозможныя игры. Прохожіе не сердятся, когда цѣлая веселая группа дѣтишекъ заграждаетъ имъ дорогу; они съ добродушной улыбкой обходятъ эту счастливую толпу, опасаясь помѣшать ей. Если какой-нибудь клопикъ заберется на середину улицы, гдѣ ему грозитъ опасность

ушибиться или упасть, то прохожій бережно возьметъ его на руки и отнесетъ въ безопасное мѣсто.

Замѣчательно, что съ появленіемъ европейцевъ — въ Японіи игры и всевозможныя состязанія стали уже не такъ часты, какъ прежде; перестали японцы съ такимъ увлеченіемъ предаваться имъ. Въ былое время не пропускался ни одинъ праздникъ, чтобы въ городѣ не устраивалось множество общественныхъ игръ, въ которыхъ принимали участіе какъ взрослые, такъ и дѣти; теперь это рѣже, но все-таки въ иные праздники зачастую видны на улицахъ веселыя личики разряженныхъ въ свои лучшіе, пестрые кимоно мальчиковъ и дѣвочекъ. Дѣвочки напудриваютъ

себѣ лицо, накрашиваютъ губы, причесываютъ волосы въ самую изящную прическу и бѣгутъ играть въ воланы; онѣ играютъ не по одной или по двѣ, а цѣлыми хороводами. Дѣвочки очень любятъ эту игру, потому что здѣсь можно хорошо показать ловкость и грацію; дѣйствительно, онѣ замѣчательно ловко подбрасываютъ перелетающій съ конца въ конецъ красивый, изъ цвѣтныхъ перьевъ, воланъ. Эта игра сопровождается пѣніемъ: мальчики въ своей пѣсенкѣ подзадориваютъ дѣвочекъ предвѣщаніемъ вѣтра, вслѣдствіе чего тѣмъ никогда не поймать волана; дѣвочки отвѣчаютъ, что это неправда, что погода останется хорошею и воланъ будетъ летать правильно. Кто промахнется, тому дѣлается на

лбу черное пятно или черный кругъ вокругъ глаза.

Кромѣ этой, очень распространенной, игры, дѣти играютъ въ мячъ, въ жмурки, въ чехарду, пускаютъ бумажные змѣи и т. д., и т. д. Зимой они, совершенно такъ же, какъ и наши дѣти, лѣпятъ изъ снѣга чучель и бросаются снѣжками. Дома, въ комнатахъ, въ длинные зимніе вечера, они собираются всѣ вокругъ хибачии слушаютъ интересныя сказки и рассказы взрослыхъ или играютъ въ шашки, шахматы, лото и множество другихъ игръ, намъ еще не извѣстныхъ. Кто выиграетъ, получаетъ призъ, состоящій обыкновенно изъ лакомства.

Среди играющихъ на улицѣ дѣтей вы часто встрѣтите маленькую дѣвочку, у которой за спи-

ной изъ - подъ халата торчитъ крошечная головка ея маленькаго брата или сестренки. У дѣвочки руки и ноги совершенно свободны, она можетъ бѣгать, играть, рѣзвиться, но не смѣетъ упасть на спину: когда мать отпускала ее гулять, то строго напоминала объ этомъ. Терпѣливо выноситъ малютка всѣ прыжки и встряхиванія своей крошечной няньки. Сколько разъ случалось намъ видѣть, что ребенокъ спокойно спитъ, свѣсивъ головку на бокъ, тогда какъ нянька его съ веселымъ смѣхомъ бѣжитъ по улицѣ, стараясь догнать свою подругу. Мать тоже нянчитъ ребенка за спиной; этотъ способъ освобождаетъ ей руки, и она можетъ спокойно выполнять всѣ необходимыя занятія по хозяйству.

Постепенно, среди игръ и забавъ, маленькія дѣти выучиваются читать и писать. Къ семи годамъ они всѣ уже прекрасно читаютъ и пишутъ. Въ Японіи существуетъ законъ, запрещающій быть безграмотнымъ, а потому тамъ столько же школъ, сколько игрушечныхъ лавокъ, если еще не больше.

У японцевъ цѣлыхъ три азбуки, и ни одна не похожа на другую. Первая—катакана—самая простая; она состоитъ изъ 71-го слога, каждый слогъ обозначается особымъ знакомъ. Затѣмъ вторая называется хирогана; она тоже состоитъ изъ слоговъ (48), но только эти слоги обозначаются знаками, гораздо болѣе сложными и неправильными по очертанію, чѣмъ въ катаканѣ. Наконецъ,

третья азбука—китайская, названная такъ потому, что заимствована японцами у китайцевъ. Эта послѣдняя азбука чрезвычайно трудна: она уже не состоитъ изъ слоговъ, а въ ней каждое слово обозначается особымъ, запутаннымъ и сложнымъ знакомъ. Благодаря этому, всѣхъ знаковъ китайской азбуки существуетъ болѣе, чѣмъ девяносто тысячъ. Нѣтъ ни одного японца, который зналъ бы всѣ эти знаки наизусть; если кто знаетъ хоть только двадцать тысячъ знаковъ, то считается уже чрезвычайнымъ знатокомъ. Первые двѣ азбуки употребляются въ общежитіи всѣми японцами, китайской же пишутся только важныя государственныя бумаги. Сравнительно еще недавно умеръ въ Японіи секретарь русской мис-

си, который знает двадцать тысяч знаков этой азбуки и поэтому очень уважался японцами.

Съ семи лѣтъ всѣ дѣти идутъ въ школы, гдѣ обученіе подвигается очень медленно: почти каждый часъ занятій прерывается продолжительными веселыми играми. Дѣти не смѣютъ въ школѣ ссориться, а тѣмъ болѣе браниться дурными словами; учителя строго слѣдятъ, чтобы они были вѣжливы другъ съ другомъ и даже не возвышали въ разговорѣ голоса. Такое воспитаніе въ школѣ очень отражается на всей послѣдующей жизни японца. Благодаря только этому, вы никогда и нигдѣ не услышите брани или ссоры, даже среди низшаго сословія; я, впрочемъ, раньше еще говорилъ объ этомъ.

Но не думайте, что японцы обладают только хорошими качествами, — и у нихъ есть дурныя стороны, разившіяся, благодаря феодализму. Всѣ подданные феодала изъ боязни прогнѣвать своего господина и заслужить немилость принуждены были льстить ему, а потому лесть остается до сихъ поръ не послѣдней чертой въ характерѣ японцевъ. То же нужно сказать и о лжи, которая проявляется въ разныхъ видахъ. Если бы японцы лгали ради интереса или ради избѣжанія отвѣтственности и наказанія, то въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, — такая ложь развита и между нами; но японецъ лжетъ охотно и употребляетъ ложь въ разныхъ случаяхъ. Напримѣръ, су-

шествуетъ ложь почитанія, которая употребляется всѣми японцами, чтобы никогда не противорѣчить начальнику и не сдѣлать ему непріятное; ложь официальная, употребляемая самимъ правительствомъ при отдачѣ какого-нибудь приказанія своему народу; ложь подготовительная, т. е. такая, которой пользуются, чтобы солгать удобнѣе впоследствии; лгутъ еще для забавы, ради практики, ради скуки, отъ застѣнчивости, изъ пренебреженія и т. д., и т. д. Словомъ, и въ Японіи вы не скоро добьетесь правды.

Затѣмъ слѣдующія крупныя и нехорошія черты, замѣчаемыя у всѣхъ азіатскихъ народовъ — скрытность и месть. Существуетъ множество историческихъ

японскихъ разсказовъ, изъ которыхъ видно, что ради мести японцы жертвовали своей семьей, положеніемъ, состояніемъ и даже жизнью. По цѣлымъ годамъ иногда странствовалъ японецъ по всему государству, отыскивая человѣка, которому желалъ отмстить. Японецъ не въ состояніи забыть обиду, въ особенности если она большая; онъ считаетъ, что ее непременно надо смыть кровью. Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда въ Японіи почти всѣ жители постоянно ходили вооруженными, убійства за оскорбленіе случались чрезвычайно часто; даже между дѣтьми это бывало нерѣдко.

Теперь, конечно, ничего нѣтъ подобнаго, и эта черта значительно сгладилась, въ особенно-

сти благодаря проникновенію христіанства, которое проповѣдуетъ милосердіе и любовь къ ближнему. Кромѣ того отсутствіе при себѣ постояннаго оружія много помогаетъ дѣлу: гораздо легче совершить убійство въ моментъ вспышки, которыми такъ отличаются японцы.

Ко всѣмъ этимъ чертамъ надо еще прибавить рѣзко выдающуюся—это любовь ко всевозможнымъ азартнымъ играмъ. Несмотря на то, что правительство строго преслѣдуетъ эти игры, послѣднія все-таки въ большомъ ходу. Играютъ всѣ: мужчины, женщины, старики, взрослые и даже дѣти. Нерѣдко въ одну ночь проигрываются цѣлыя состоянія, и сегодня богатый завтра становится бѣднякомъ.

Я зналъ одну молодую женщину, которая три раза сидѣла въ тюрьмѣ за участіе въ азартныхъ играхъ и все-таки продолжала играть.

У.

Море, находящееся между островами Нипонъ, Кіу-Зіу и Сикоко, называется японцами Средиземнымъ.

Что за картины разворачивались одна за другой передъ нашими глазами, когда корабль быстро разсѣкалъ синія воды проливовъ, заливовъ и бухточекъ! Море это небольшое, и во все время пути ясно и отчетливо видны берега.

Какъ густо заселены они! — это непрерывный рядъ дачъ, деревень и городовъ. Здѣсь, на берегахъ этого моря, зародилась жизнь государства и выросли два громадныхъ города — Осака и старая столица Кіото. Жизнь японцевъ здѣсь сохраняется въ болѣе чистомъ видѣ, потому что европейцы допускаются сюда по особенному только разрѣшенію правительства.

Берега все время гористы и въ свободныхъ отъ селеній промежуткахъ сплошь засѣяны рисовыми полями. Но рисъ не можетъ расти на склонѣ горъ, ему нужна болотистая мѣстность, — посмотрите же, какъ здѣсь справляются японцы съ природой: они изъ громадной горы дѣлаютъ пирамидальную лѣстницу, на ши-

рокихъ ступеняхъ которой стоитъ рисъ. Но этого мало: ступенямъ надо было обратить въ болота, т. е. залить водою, чтобы рисъ росъ хорошо,—и съ этимъ справляются труженики - японцы: если гора очень высока и съ ея вершины текутъ ручьи, то ихъ направляютъ на верхнее поле, отсюда вода стекаетъ на второе, третье, четвертое и т. д.; но если ручьевъ нѣтъ, то выполняется гигантская работа: воду поднимаютъ насосомъ снизу поэтажно.

Когда смотришь издали на эту красивую и оригинальную, бирюзоваго цвѣта, лѣстницу, то и въ голову не приходитъ, что за трудъ былъ положенъ прежде, чѣмъ эта свѣжая зелень начала веселить вашъ глазъ.

Японскій крестьянинъ такой же, какъ и всякій крестьянинъ на всѣхъ точкахъ земного шара: это человѣкъ, созданный природой и воспитанный и вскормленный своей почвой. Трудолюбивый, чрезвычайно терпѣливый, привязанный къ своей землѣ, умный, хитрый и вмѣстѣ съ тѣмъ простакъ, онъ равнодушенъ ко всему, что не касается его жатвы. Японскаго крестьянина можно всюду отличить сейчасъ же: онъ одѣтъ въ синіе штаны изъ грубой бумажной ткани и такой же крашенины короткополый халатъ; на ногахъ соломенные сандалии. Терпѣливо онъ идетъ на работу, какъ пчела въ улей; онъ погружается чуть не по поясъ въ иль рисоваго поля и размѣшиваетъ эту вонючую, нездоровую

вую грязь; ноги его для защиты отъ пѣвокъ покрыты плотно охватывающими ихъ штанами изъ грубаго шелка. Жена и дѣти его тоже не избавляются отъ этой тяжелой и нездоровой работы: когда рисъ поднимается, то молодые всходы необходимо разсадить, — вотъ тутъ-то жена и дѣти и помогаютъ крестьянину; цѣлые дни они по колѣно въ грязи, согнувши спины и защищенные отъ солнца огромными бамбуковыми шляпами, копаются въ грязи желѣзной лопаточкой.

Ступайте въ деревню въ обѣденное время, и вы непременно увидите передъ избой опять того же крестьянина, усердно толкушаго въ деревянной ступѣ обѣденную порцію риса для своей семьи. Зайдите въ его хижину,

и вы произведете тамъ полный переполохъ: всѣ засуетятся около васъ изъ желанія принять какъ можно лучше и гостепріимнѣе. Тутъ вы непременно увидите страшную беззубую старуху, родоначальницу цѣлаго уже большаго поколѣнія; она не ходитъ, конечно, на работу, а остается присматривать за дѣтишками. Дѣти, сначала недовѣрчивыя, наконецъ приближаются къ вамъ, и вся семья начинаетъ изслѣдовать всѣ диковинки, надѣтыя на васъ. Часто приходилось въ жаркую погоду во время прогулки заходить отдохнуть или напиться воды въ хижины этихъ добродушныхъ людей. Попробуйте предложить имъ что-нибудь на чай—вы рѣшительно не заставите ихъ взять хоть грошъ за ихъ услуги.

Добросовѣстно трудится крестьянинъ надъ своими рисовыми

Японскій крестьянинъ съ мѣшками риса.

полями и всю тяжесть этого труда выносить исключительно своими руками и спиной: имъ не

извѣстны вспомогательныя машины, а тѣмъ болѣе паровыя; даже лошадка, кормилица нашего мужичка, не помогаетъ бѣдному японцу.

«Терпѣніе и трудъ—все перетрутъ», говоритъ русская пословица; не знаю, есть ли подходящая въ Японіи, но она вполне характеризуетъ всѣ японскія работы. Всякій изъ насъ, имѣя въ рукахъ какую-нибудь японскую вещь, не налюбуется ею, не можетъ достаточно надивиться изящности и законченности въ ея отдѣлкѣ. Надо замѣтить при этомъ, что къ намъ очень рѣдко привозятся лучшія вещи, потому что онѣ и тамъ, на мѣстѣ, дороги; здѣсь же ихъ пришлось бы продавать за баснословную цѣну. Намъ же, бывшимъ въ

Японіи, былъ полный просторъ любоваться этими чудесами работъ. Надо имѣть гигантское терпѣніе, чтобы выполнять ихъ. Возьмите, на примѣръ, вещи, покрытыя знаменитымъ японскимъ лакомъ, съ выпуклыми золотыми и серебряными рисунками: нельзя подумать, чтобы работа этихъ маленькихъ коробочекъ требовала мѣсяцы. Между тѣмъ я, на примѣръ, пожелалъ заказать ящикъ для вѣера, покрытый такимъ лакомъ и съ золотымъ вензелемъ; мастеръ сказалъ мнѣ, что заказъ будетъ исполненъ только черезъ три мѣсяца, если я желаю, чтобы работа была средняго качества, и черезъ полгода, если лучшаго. Послѣ этого только понялъ я, почему эти вещицы такъ изящны и красивы.

Всевозможныя бронзовыя, изъ слоновой кости, эмальированныя вещи также поражаютъ своей работой; въ каждомъ произведе- нии видно, что японецъ поло- жилъ въ эту работу всю свою душу, не жалѣя время. Бывали примѣры, что мастера убивали цѣлые годы на отдѣлку какой- нибудь вещицы. Я говорю: уби- вали время, — потому что по боль- шей части въ этой вещицѣ нѣтъ ни широкой пользы, ни большой мысли, ни поэзіи, а это просто ужасно кропотливая, прекрасно выполненная работа. Всѣ постано- вленные выставки, а ихъ чрезвы- чайно много, доказываютъ это.

Постоянныя выставки въ Япо- нии имѣютъ цѣлью знакомить публику съ работами всѣхъ из- вѣстныхъ мастеровъ и фабрикъ

Японіи. Эти выставки нельзя и сравнивать съ нашими, потому что на нашихъ главная цѣль не только двигать искусство, тщательность работы, но прежде всего дѣлать человѣку жизнь все удобнѣе и удобнѣе, удешевлять ее и облегчать трудъ; здѣсь же выходитъ одна только мысль — двигать впередъ отдѣлку въ смыслѣ чрезвычайной тонкости. Это произошло оттого, что Японія все время вела замкнутую жизнь, не имѣла сношенія съ другими государствами; японцы довольствовались очень малымъ, жизнь была неимоверно дешева, а потому трудъ и время были ничемъ.

Теперь, только черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ появленія въ этой заснувшей было странѣ

дѣятельнаго и неспокойнаго европейца, уже совсѣмъ не то: современныя работы невозможно сравнить со старыми; Европа внесла сюда вѣчно идущую впередъ лихорадочную жизнь. Для перемѣны всего строя государства Японіи потребовалось много денегъ; трудъ и время страшно вздорожали, и не приходится теперь японцу заниматься пустяками, нельзя терять время даромъ: надо бороться съ жизнью, трудиться и работать съ пользой.

Европейцы набросились на всѣ замѣчательныя произведенія труда и терпѣнія японцевъ, какъ на рѣдкость, на диковинку заморской страны, и начали вывозить ихъ ежегодно въ огромномъ количествѣ. Лучшія вещи быстро и безслѣдно исчезаютъ изъ Япо-

ніи, а новыми не пополняются, потому что народъ занять совсѣмъ другимъ: онъ еле-еле успѣваетъ догонять Европу. Японія чувствуетъ, что разъ ужъ она пустила къ себѣ иностранцевъ, это ей необходимо; иначе гости разорятъ ее, а вмѣстѣ съ ними и всѣ богатства. Крѣпко борется Японія и быстро идетъ впередъ.

Японская живопись имѣетъ очень слабое понятіе о перспективѣ, а потому вообще ихъ картины не производятъ должнаго впечатлѣнія и несогласны съ природой, но въ деталяхъ, т. е. въ мелочахъ, онѣ чрезвычайно близко подходятъ къ ней. Посмотрите на японскую картинку, и вы сразу замѣтите несоразмѣрность между собою фигуръ, изобра-

женныхъ на ней. Напримѣръ, вотъ хоть такая картина: кустикъ съ цвѣтами, и на одномъ изъ нихъ сидитъ пчелка; на этотъ кустикъ летитъ птичка съ цѣлю схватить пчелку, какъ добычу. Какъ видите, картинка эта совершенно изъ жизни природы; все выполнено прекрасно: пчелка сидитъ на цвѣткѣ вполнѣ натурально, полеть птички схваченъ и переданъ также вѣрно, — но вся бѣда въ томъ, что пчелка нарисована чуть не въ два раза больше птички. Такого рода несообразности встрѣчаются въ японскихъ картинахъ очень часто. Позы же и всѣ положенія предмета рисуются замѣчательно близко къ дѣйствительности, и въ нихъ видна тонкая наблюдательность.

Изъ всѣхъ промысловъ въ Японіи первое мѣсто занимаетъ рыбный. Однажды ночью мы подходили къ одному изъ приморскихъ городовъ, и намъ представилось грандіозное зрѣлище: передъ нами было нескончаемое пространство, сплошь усыянное тысячами огней; версть на двадцать вокругъ рассыпались эти огоньки и мѣрно покачивались на одномъ мѣстѣ,—это, можетъ быть, не одна тысяча японцевъ выѣхала на рыбную ловлю.

Милліоны людей занимаются этимъ промысломъ, рыбы ловится неимоверное количество, и все-таки только-только хватаетъ ее прокормить Японію; о вывозѣ излишка въ другія страны и думать нечего. Стоитъ только вспомнить, что всѣ сорокъ милліоновъ

питаются почти исключительно рыбой, и тогда все сказанное станетъ понятно.

На одной изъ всемірныхъ рыбопромышленныхъ выставокъ въ Европѣ присутствовалъ какой-то японскій сановникъ; онъ съ улыбкой разсматривалъ все и съ улыбкой же читалъ крупныя цифры, гласившія о количествѣ вылавливаемой рыбы въ той или другой странѣ. Когда его спросили, какого онъ мнѣнія о рыбныхъ промыслахъ въ иностранныхъ государствахъ и есть ли что-либо подобное въ Японіи, то онъ засмѣялся и отвѣтилъ, что если сложить вмѣстѣ все количество рыбы, добываемой во всѣхъ государствахъ, то и это еще далеко не представило бы того, что ежегодно ловится въ Японіи.

Японцы вообще очень отважные и искусные мореходы; сама природа страны заставляет ихъ сдѣлаться такими: нѣтъ второго въ мірѣ государства, которое бы состояло изъ четырехъ тысячъ острововъ. Японцы съ дѣтства свыкаются со всѣми измѣнчивыми настроеніями моря и смѣло пускаются въ дальній путь на своихъ парусныхъ морскихъ джонкахъ, которыя врядъ ли превосходятъ величиной чухонскія лайбы, что ходятъ по Невѣ съ дровами. Эти джонки очень прочны, разумной конструкціи (по чертежу) и по виду имѣютъ очень мало общаго съ нашими судами.

Въ древнія времена такія джонки несли на себѣ въ Китай и Корею несмѣтныя полчища храб-

рецовъ-японцевъ, наводившихъ ужасъ на непріятеля. Но такіе набѣги были очень рѣдки; джонки служили больше для цѣлей торговыхъ. На нихъ и до сихъ поръ отправляется въ Китай морская капуста, растущая въ изобиліи вдоль японскихъ береговъ.

VI.

Древняя коренная религія японцевъ называется шинто. Черезъ нѣсколько вѣковъ послѣ Рождества Христова вторгся въ Японию буддизмъ; обѣ религіи перемѣшались, и въ цѣлости не осталась ни та, ни другая. Теперь очень трудно разобрать-ся, что болѣе преобладаетъ: буддизмъ или шинтоизмъ, — потому что одни храмы по наружности и по внутреннему устройству скорѣе буддійскіе, а другіе сохраняютъ скорѣе фізіономію храмовъ древней религіи.

Въ Японской мифологіи міръ или вселенная — это Японія, и легенды относятся исключительно къ ней. Всѣ божества, за исключеніемъ, можетъ быть, немногихъ, происхожденія историческаго. Микадо, т. е. императоръ японскій, происходитъ отъ боговъ, которые сотворили небо и землю, т. е. Японію. Всѣ люди поэтому должны строго повиноваться микадо, какъ представителю боговъ на землѣ.

До 1872 года въ Японіи неизмѣнимо существовали для народа слѣдующіе законы:

- 1) «Ты долженъ почитать боговъ и любить свое отечество».
- 2) «Ты долженъ ясно понимать начало небесъ и долгъ челоуѣка».
- 3) «Ты долженъ благоговѣть

передъ микадо, какъ передъ твоимъ владыкой, и повиноваться повелѣніямъ его двора».

По религіи шинто японцы поклоняются своимъ предкамъ и боготворятъ микадо и легендарныхъ героевъ. Богопочитаніе выдающихся силъ природы развито въ высшей степени. Эта религія не допускаетъ ни идоловъ, ни образовъ. Ихъ святыни только зеркало и чохей, т. е. висящіе на бамбуковой палкѣ священные лоскуты бѣлой бумаги съ надписями. Въ этой религіи нѣтъ никакихъ нравственныхъ законовъ, а всѣ люди должны подражать своимъ божественнымъ предкамъ и чистотой жизни доказывать свое происхожденіе отъ нихъ.

Всякая благодарность богамъ, прошеніе, раскаяніе и восхвале-

ніе приносятся въ молитвахъ. Во время молитвы руки обыкновенно складываются вмѣстѣ, молящійся становится на колѣни и голову опускаетъ на грудь. Молитва произносится мысленно, при чемъ не шевелятъ губами. Въ храмъ обыкновенно не входятъ, а становятся передъ нимъ и дергаютъ за шнурокъ, привязанный къ бубенчику, называемому по-японски гонгъ. Этимъ звонкомъ молящійся обращаетъ на себя вниманіе бога. Прежде чѣмъ начать молиться, всякій долженъ вымыть руки и выполоскать ротъ священной водой. Вода всегда находится въ каменныхъ сосудахъ около храма.

Вотъ коротенькая молитва изъ множества другихъ. Я привожу ее, какъ очень характерную:

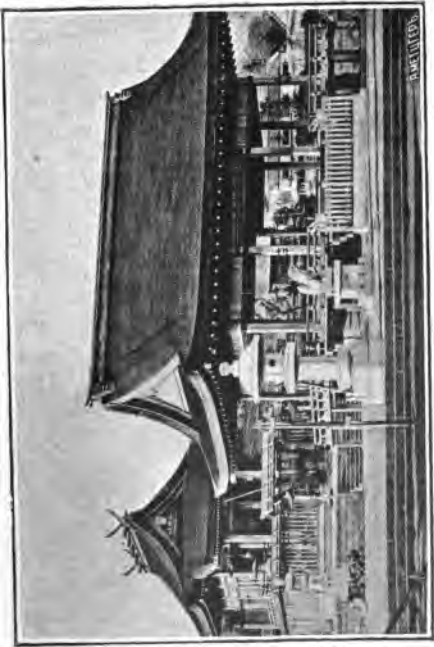
«О, Господи! обитающій на самыхъ высокихъ небесахъ, ты еси божество по существу и по разуму, ты склоненъ прощать за вины, избавь насъ отъ непристойностей и очисти отъ нечистотъ. Боги! подставьте ваше ухо и выслушайте наши просьбы».

Жертвы богамъ приносятся въ бѣлыхъ одеждахъ и съ большою торжественностью. Жертвоприношенія состоятъ изъ фруктовъ, овощей, смотря по времени года, рыбы и дичи. Ночью эти приношенія убираются и становятся собственностью священнослужителей, которые въ религіи шинто называются каннуши, т. е. храмохранители.

Дичь и домашняя птица привѣшиваются передъ храмомъ на нѣсколько дней, послѣ чего она

считается уже очищенной и освобожденной отъ грѣха. Молодой рисъ и произведенія изъ шелка и хлопчатой бѣлаги также освящаются передъ храмомъ.

Передъ каждымъ храмомъ шинто ставятъ торіи (птичья насѣдка) — два высокихъ столба и на нихъ перекладина. На эту перекладину вѣшали богамъ домашнихъ птицъ, преимущественно пѣтуховъ, не какъ пищу, а для того, чтобы эти птицы своимъ утреннимъ пѣніемъ давали бы знать богамъ о зарѣ. Впослѣдствіи эти торіи утратили свое значеніе, и теперь они служатъ какъ бы воротами для входа въ храмъ. Мы случалось видѣть, что такія ворота поставлены передъ входомъ въ храмъ въ количествѣ, по крайней мѣрѣ, пятнадцати и

Ялонский храмъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

все разныхъ величинъ. Я насилу добился узнать истинное ихъ назначеніе.

Храмы шинто строятся только изъ чистаго дерева; въ нихъ не допускается ни лакъ, ни золоченіе, ни украшенія, ни даже металлы. Внутри храма вы увидите только чохей и жертвоприношенія. Въ самомъ же концѣ его изъ чистаго бѣлаго дерева сдѣлано святилище, въ которомъ присутствуетъ само божество въ видѣ металлическаго зеркала. Главный храмъ шинто стоитъ въ провинціи Изѣ, на юго-восточной части Нипона; находящееся тамъ зеркало, по убѣжденію японцевъ, принесено съ небесъ. Всѣ остальные зеркала въ другихъ храмахъ только его копіи.

Библия религіи шинто назы-

вается кожѣнки, она полна разсказовъ о дѣянїяхъ боговъ, но въ ней нѣтъ никакихъ наставленій и правилъ, какъ вести свою жизнь. Когда появился въ Японїи послѣ проникновенїя буддизма проповѣдникъ, по имени Мотѳори, желавшїй возстановить религію шинто въ чистотѣ, то онъ говорилъ, что только для китайцевъ необходимо писать наставленіе въ жизни, потому что они народъ падшїй; японцы же происходятъ отъ боговъ, и имъ нѣтъ нужды въ этомъ: подражай только своимъ предкамъ. Долгъ хорошаго японца состоитъ въ полномъ повиновенїи микадо, не спрашивая себя, дурны или хороши поступки и распоряженїя его.

Буддїйскїе храмы изобилуютъ идолами, и въ чести каждо

изъ нихъ ежегодно даются торжественныя празднества. Эти празднества уже мало имѣють общаго съ догматами обѣихъ религій, смѣщеніе которыхъ сбило съ толку японцевъ, и они главное свое вниманіе обратили на внѣшнее исполненіе обрядовъ и церемоній, а не на суть нравственнаго ученія.

Празднества состоятъ изъ шумной процессіи въ той части города, которая устраиваетъ его. Не проходитъ положительно недѣли, чтобы въ какомъ-нибудь углу города не слышался звукъ японскаго била или тамъ-тама и крики, которые предупреждаютъ о приближеніи такой процессіи. Сегодня, на примѣръ, общество плотниковъ провожаетъ своего покровителя — бога Дайкоку, на

другой день торжественно катят по городу бога Джебитсу—японскаго Нептуна. По всему пути, гдѣ должна пройти церемонія, всѣ дома украшены разноцвѣтными матеріями, дѣти одѣлись въ свои самыя лучшія пестрыя кимоно, вымазали лица мукой и съ нетерпѣніемъ ждутъ появленія процессіи, которая приближается медленно, проходя одну за другой триумфальныя арки, поставленныя на ея пути.

Но вотъ шествіе показалось: впереди всего на длинныхъ шестахъ несутъ флаги и щиты съ изреченіями изъ священнаго писанія; затѣмъ идетъ толпа рыболововъ въ особыхъ костюмахъ, они играютъ на семсинахъ, бьютъ ненстово въ тамъ-тамъ, производя вообще адскій шумъ;

Бонзы.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY,

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

далѣе идутъ два начальника процессіи, они вооружены желѣзными палками съ кольцами на концѣ и бьютъ ими о землю, а иногда и зѣвакъ, мѣшающихъ свободному проходу процессіи. Наконецъ показывается громадная колесница, запряженная четырьмя быками и множествомъ добровольныхъ участниковъ изъ черни. Вся эта колесница пышно украшена всевозможными морскими растеніями, среди которыхъ торчатъ бритыя головы бонзъ; они положительно орутъ разныя изреченія и молитвы. Надъ ихъ головами возвышается громадная фигура самого Нептуна-Джебитсу: это колоссальный идолъ съ размалеванной рожей. За идоломъ слѣдуетъ маленькій передвижной театръ, гдѣ игра-

ють дѣти. Вторая колесница везетъ бога вѣтровъ, за ней слѣдуетъ еще театръ и т. д., и т. д.,—и безъ конца почти тянется эта церемонія. Каждый богъ везетъ съ собой жаровню и кушанья. Японцы предполагаютъ, вѣроятно, что такая длинная прогулка вызоветъ у ихъ боговъ аппетитъ.

Всего комичнѣе то, что весь народъ относится къ этимъ церемоніямъ очень серьезно, и не потому, чтобы они глубоко вѣрили въ необходимость ублажить своего Нептуна - Джебитсу для спокойнаго плаванія по водамъ океана, но потому, что это, такъ сказать, ихъ преданія, ихъ старья воспоминанія; а японцы очень любятъ, когда что-нибудь переноситъ ихъ къ прошедшему.

Присутствіе европейцевъ при такихъ процессіяхъ очень конфузитель и смущаетъ японцевъ; они чувствуютъ, что и этому скоро наступитъ конецъ.

Не меньшій интересъ представляютъ собою и храмовые праздники. Буквально невозможно достаточно вѣрно передать то впечатлѣніе, которое охватываетъ васъ, и описать все то, что тамъ происходитъ. Это не что-нибудь религіозное, а колоссальное народное гуляніе. Многотысячная пестрая толпа съ ранняго утра тянется по улицамъ къ тому храму, гдѣ праздникъ. Не думайте, что молитва и вѣра движетъ эту массу; нѣтъ, она идетъ веселиться — и такъ, чтобы забыть обо всемъ остальномъ мірѣ.

На обширномъ пространствѣ

вокругъ храма колоссальная ярмарка: здѣсь раскинуты палатки, столы и лотки съ лакомствами, игрушками, бездѣлушками и нарядами; тамъ и тутъ разбросаны балаганчики съ фокусниками, акробатами, лотерей и прохладительными напитками, — словомъ, кто бываль въ Петербургѣ на балаганахъ на Марсовомъ полѣ, тотъ можетъ себѣ представить кое-что похожее; только въ Японіи все это гораздо шире, многолюднѣе, и народъ гуляетъ и забавляется здѣсь съ гораздо большимъ увлеченіемъ и безпечностью.

Рядомъ съ фасадомъ храма выстроены огромные бараки, и въ нихъ помѣщены гигантскихъ размѣровъ идолы; очевидно, эти грубыя безобразныя фигуры ле

Дай-Бутсу.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY.

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS.

могутъ располагать къ молитвѣ, а представляютъ собою только диковинное зрѣлище. Но представьте мое удивленіе, когда одинъ изъ этихъ колоссовъ началъ вдругъ раздвигать ноги, пузо его раскрылось—и тамъ оказался цѣлый балетъ, оркестръ музыки и хоръ. Танцовщицы были одѣты въ разноцвѣтныя юбочки и соломенные шляпки. Безъ сомнѣнія, этотъ костюмъ былъ заимствованъ у европейцевъ, но онъ нисколько не гармонировалъ съ искусствомъ дѣйствующихъ лицъ: танцы не отвѣчаютъ нашему вкусу, музыка своимъ безтолковымъ шумомъ и отсутствіемъ гармоніи рѣжетъ ваше ухо, и наконецъ пѣніе окончательно разстраиваетъ ваши нервы.

Въ большинствѣ случаевъ тан-

цующіе передаютъ своими танцами какой-нибудь рассказъ или эпизодъ, такъ что они все время дѣлаютъ мимику, корча разныя рожи и кривляясь немилосердно. Только очень немногія фигуры и па достаточно граціозны. Музыкальными инструментами японцы замѣчательно бѣдны; наилучшій изъ нихъ — семсинъ, немного превосходитъ своими качествами нашу балалайку. Мелодій и мотивовъ въ игрѣ никакихъ нѣтъ, а полнѣйшая однотонность и однообразіе звуковъ, которые кромѣ того почти совсѣмъ заглушаются отчаяннымъ звукомъ отъ ударовъ въ мѣдную тарелку. Понятія о пѣніи также какія-то превратныя: японцы не поютъ, какъ мы, открытымъ свободнымъ голосомъ, а зачѣмъ-то мѣняютъ

его, гнусять и тонъ дѣлають заунывнымъ. Но, конечно, всякій любить свое: японцы въ восторгѣ отъ своихъ артистовъ.

Съ самымъ большимъ увлеченіемъ японцы посѣщаютъ театры; они просиживаютъ тамъ по цѣлымъ днямъ, забравшись туда съ утра съ дѣтьми, няньками, мамками и даже съ провизіей. Нѣкоторые изъ театровъ отдѣланы довольно роскошно, но въ общемъ, конечно, мало имѣють сходства съ нашими. Такъ называемый партеръ весь раздѣленъ низенькими перегородками на квадратныя клѣтки—это мѣста; въ нихъ располагаются семьями, принеся изъ дому маленькій хибачи, чайникъ съ чаемъ, закуски и лакомства. По краямъ партера, такъ же какъ и у насъ, ярусы ложъ

(не болѣе двухъ), и сцена совершенно какъ наша. Играть могутъ только мужчины, которые въ случаѣ надобности переодѣваются въ женскіе костюмы.

На храмовомъ гуляніи выстраивается для черни очень много временныхъ театровъ, напоминающихъ наши балаганы. Содержаніе пьесъ преимущественно историческое; играютъ въ древнихъ костюмахъ, и потому даже для насъ, европейцевъ, эти театры представляютъ большой интересъ.

Я долженъ сказать, что вообще такого рода японскія гулянія дѣйствовали на меня положительно обаятельно: я заражался окружающей меня беззаботной веселостью и увлекался всѣмъ до того, что забывалъ о времени, и толь-

ко наступленіе сумерекъ заставляло меня очнуться.

Среди такого веселья японцы всетаки не забываютъ иногда и помолиться богу. Вотъ посмотрите, напримѣръ, какъ цѣлая группа расфранченныхъ, напудренныхъ и покрашенныхъ мусуме (японскія дѣвушки) съ веселыми лицами направляется къ храму. Передъ самымъ входомъ лица ихъ вдругъ дѣлаются серьезными, онѣ опускаются на колѣни, складываютъ руки, опускаютъ головы и произносятъ «Наму амида Бутсу!», т. е. «Спаси насъ великій Будда!» Помолившись, онѣ отходятъ отъ храма и снова принимаются за веселье.

Самый большой праздникъ дается въ честь бога риса, Инари-Сама. Это имя принадлежитъ

миоическому лицу, которому исторія приписываетъ честь открытія какъ самаго риса, такъ и способа его воздѣльванія. Инари-Сама изображается змѣей, стерегущей рисъ. Такъ какъ рисъ самый необходимый продуктъ Японіи, т.-е. то же, что у насъ хлѣбъ, то празднества, даваемыя въ честь этого бога, необыкновенно торжественны. Почти всякая семья, имѣющая хоть клочекъ рисоваго поля, непременно выстраиваетъ въ честь этого бога хорошенькій миниатюрный храмъ; а въ извѣстный день второго въ году мѣсяца пируетъ, шумитъ и веселится въ честь этого бога вся Японія.

Всѣ обряды и церемоніи японцевъ отличаются запутанностью и сложностью. Напримѣръ сва-

дебная церемонія: она не почитается за священную, а состоитъ преимущественно изъ подношенія другъ другу свадебныхъ подарковъ. Количествоэтихъ подарковъ строго опредѣляется для каждаго сословія въ особой книгѣ, гдѣ вообще описаны всѣ обряды; эта книга называется: Ш о р е й-х и к к и. Для жениха высшаго сословія эта книга напимѣръ опредѣляетъ послать невѣстѣ: бѣлый шелковый халатъ; кусокъ матеріи, шитой золотомъ, для пояса; два куска какой-нибудь шелковой матеріи; кусокъ матеріи бѣлаго цвѣта съ четыреугольными рисунками для покрывала невѣсты во время свадьбы; четырнадцать боченковъ вина и семь сортовъ приправъ къ кушаньямъ. Родителямъ и род-

ственникамъ также опредѣлены подарки. Конечно, женихъ можетъ измѣнить количество подарковъ, но только въ большую сторону. Невѣста и родственники ея непременно отдариваютъ жениха, и тоже въ установленной нормѣ.

Если японецъ высмотрѣлъ себѣ невѣсту, то прежде всего посылаетъ подарки; разъ они приняты, то ужъ отказа безусловно быть не можетъ. Въ день свадьбы женихъ посылаетъ къ невѣстѣ поримоно, т. е. носилки; онѣ сопровождаются какимъ-нибудь близкимъ лицомъ, которому поручается принять невѣсту; весь путь передъ домомъ и внутри выстилается чистыми новыми циновками. Когда невѣсту несутъ по коридору дома, гдѣ свадьба,

то въ это время совершается множество мелкихъ обрядовъ: на-примѣръ по пути шествія, съ правой и лѣвой сторонъ, ставятся ступы съ рисомъ, который толкутъ мужчина и женщина; когда шествіе прошло, рисъ ссыпаютъ вмѣстѣ; потомъ справа и слѣва горятъ свѣтильники—когда невѣсту пронесутъ мимо нихъ, они тушатся и несутся за нею, и т. д., и т. д. Конечно, невозможно прослѣдить порядокъ всѣхъ этихъ церемоній свадебнаго обряда и добиться смысла ихъ.

Вообще жизнь японца полна всевозможныхъ повѣрій и суевѣрій. Какъ и нашъ простой людъ вѣритъ въ нечистую силу, т. е. въ лѣшихъ, водяныхъ и домовыхъ, такъ и японцы приписываютъ подобное значеніе нѣкоторымъ

изъ своихъ звѣрей, напрімѣръ: кошкамъ, лисицамъ и барсукамъ. Они убѣждены, что эти животныя могутъ принимать человѣчскій образъ и дѣлать надъ людьми всевозможныя продѣлки. Существуетъ очень много рассказовъ по этому поводу, напрімѣръ: «Набѣйшимская вампирь-кошка» или «Рассказъ о томъ, какъ одинъ человѣкъ былъ околдованъ лисицами и какъ тѣ выбрили ему голову». Содержаніе перваго сказа заключается въ томъ, что одна кошка, убивъ красавицу-жену князя Набейшима, приняла ея образъ и высасывала постепенно изъ князя кровь, и какъ нашелся человѣкъ, который освободилъ князя отъ этого звѣря, догадавшись, что красавица-княгиня, по всей вѣроятности, не че-

ловѣкъ, а которое-нибудь изъ вышепомянутыхъ трехъ животныхъ. Второй разсказъ даетъ понятіа людямъ, какъ легкомысленно не вѣрять въ сверхъестественную силу этихъ животныхъ: одинъ человекъ усомнился въ этой силѣ; тогда лисицы завлекли его въ лѣсъ, усыпили, заставили увидѣть страшный сонъ и на память выбрили ему голову.

Кромѣ такого рода повѣрій, у японцевъ существуютъ еще повѣрья, объясняющія всякія явленія природы, напримѣръ, дождь, вѣтеръ, огонь и пр. Эти явленія производятъ, по ихъ понятіямъ, особаго рода существа, созданныя исключительно фантазіей самихъ японцевъ. Мы всѣ чрезвычайно часто видимъ на японскихъ вещахъ изображеніе дракона, а по-

тому я полагаю, что читателямъ будетъ не безынтересно узнать, что это за звѣрь и почему японцы всюду рисуютъ его. Драконъ — это самый главный изъ всѣхъ вымышленныхъ японцами чудовищъ. Знаменитый японскій писатель Бакинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ это чудовище:

«Драконъ есть высшее твореніе. У него олени рога, лошадиная голова, глаза сатанинскіе, шея змѣиная, брюхо красное и волнистое, какъ у червя; онъ покрытъ чешуей, какъ рыба; его когти такъ же остры, какъ у ястреба, лапы тигровыя, и уши бычачьи. Весной драконъ находится въ небѣ, осенью въ водѣ, зимой забавляется въ облакахъ и лѣтомъ живетъ на сонной землѣ. Онъ всегда живетъ одинъ и ни-

когда стадомъ. Существуетъ очень много родовъ драконовъ, и они бываютъ: фіолетовые, желтые, зеленые, красные, бѣлые, черные и летающіе драконы. Есть между ними чешуйчатые, рогатые, и безъ роговъ. Когда бѣлый драконъ дышитъ, его дыханіе летитъ на землю и превращается въ золото. Когда фіолетовый драконъ плюетъ, то плевки обращаются въ алмазы и драгоцѣнные камни. Одна порода имѣетъ девять цвѣтовъ на своемъ тѣлѣ. Есть драконъ, который постоянно жаждетъ прекратить жизнь человѣка. Водяной драконъ приноситъ потопаы и дожди; когда онъ нездоровъ, дождь имѣетъ рыбный запахъ. Огненный драконъ не великъ, всего семь футовъ, но тѣло его изъ пламени. У дракона рож-

дается девять дѣтенышей сразу: первый изъ нихъ поеть и любить гармоничные звуки—вотъ почему наверху японскихъ колоколовъ ухо дѣлается въ видѣ драконовъ; второй любить игру на музыкальныхъ инструментахъ — вотъ почему на послѣднихъ изображаются драконы; третій любить вино—и поэтому на чаркахъ рисуютъ драконовъ,—и т. д. Такъ какъ драконъ есть самое могущественное существо, то всѣ одежды микадо называются драконовыми, лицо и тѣло его—драконовыми, его неудовольствіе и гнѣвъ—драконовой злостью, и т. д., и т. д.».

Вотъ что пишутъ о драконѣ сами японцы. Теперь совершенно ясно, почему изображеніе этого несуществующаго могуще-

ственного звѣря помѣщается ими всюду.

Кромѣ дракона есть еще существа, производящія главные явленія природы: на примѣръ Райденъ — богъ грома; онъ имѣетъ человѣческую фигуру и изображается очень похоже на то, какъ принято у насъ изображать чорта. Этотъ Райденъ держитъ огромный кругъ со множествомъ барабановъ, въ которые онъ бьетъ палкой, производя шумъ и устрашая людей. Во время грозы Райденъ намѣчаетъ между людьми жертву и убиваетъ ее каменной стрѣлой; это послѣднее совершенно согласно съ представленіемъ о грозѣ нашихъ крестьянъ и простого люда.

Наконецъ у японскаго народа есть свои пословицы и поговорки,

которыя ничуть не менѣе мудры, чѣмъ во всемъ остальномъ мѣрѣ. Напримѣръ: «Нѣтъ розы безъ шиповъ». — «Предсказатель будущаго никогда не сумѣетъ разсказать, что́ будетъ съ нимъ самимъ». — «Докторъ никогда не ведетъ свою жизнь такъ, какъ предписываетъ другимъ». — «Даже и для бѣгущей лошади необходимъ кнутъ». — «Коли не войдешь къ тигру въ пещеру, не поймашь его за хвостъ». — «Перебирая старое — учимся новому». — «Жадность вещь бездонная». — И т. д., и т. д.

Невозможно представить себѣ, что́ за дѣятельность кипитъ въ Японіи съ тѣхъ поръ, какъ вторглись въ нее европейцы! Много, много задачъ вдругъ накопилось у Японіи, и она въ двадцать лѣтъ сдѣлала поразительные успѣхи.

Что можно поставить въ особенную заслугу японцамъ, такъ это то, что они начали перенимать у насъ прежде всего не внѣшность, а суть дѣла. Конечно, въ послѣдствіи уже необходимость заставила микадо и его приближенныхъ сравняться съ европейцами и по внѣшнему виду.

Въ настоящій моментъ Японія имѣетъ войска всѣхъ родовъ оружія, одѣтыя по-европейски и обученныя по послѣднимъ правиламъ военнаго искусства. Флотъ тоже имѣетъ достаточное количество судовъ всевозможныхъ типовъ, послѣдняго чертежа. Но этого мало: суда эти строятся и вооружаются громадными орудіями исключительно самими японцами—на своихъ элингахъ и докахъ, прекрасно выстроенныхъ въ

морскомъ портѣ Іокбска. Тамъ пять громадныхъ доковъ,—этого довольно даже и не для такого маленькаго государства.

Не менѣ быстрые успѣхи сдѣлали японцы на пути къ усовершенствованію промышленности и торговли: они сами теперь, безъ помощи и вмѣшательства европейцевъ, разрабатываютъ наилучшими способами всевозможныя руды и добываютъ каменный уголь превосходнаго качества. Вся Японія начинаетъ покрываться сѣтью желѣзныхъ дорогъ, которыя строятся также самими японцами. Паровыя машины для мануфактурной промышленности также начинаютъ входить въ употребленіе.

Вообще нѣтъ ни одной отрасли въ государственномъ строѣ, ко-

торая бы не была уже затронута и не преобразовывалась бы по лучшему образцу. Обь образованіи и говорить нечего; въ этомъ отношеніи Японія сдѣлала гигантскій шагъ впередъ. Европейскія науки принимаются и усваиваются легко и быстро. Школы преобразовываются, и въ настоящій моментъ существуютъ уже университеты и военныя училища, совершенно такіе же, какъ наши. До сихъ поръ еще японцы продолжаютъ посылать своихъ выдающихся молодыхъ людей въ разныя государства для изученія въ тамошнихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ всевозможныхъ наукъ.

Христіанская религія быстро распространяется по Японіи. Миссіонеры дѣйствуютъ очень успѣш-

но. Православныхъ японцевъ считаютъ теперь уже тысячами. Мы, русскіе, построили тамъ уже нѣсколько церквей, гдѣ служатъ японцы-священники и діаконы; а въ настоящій моментъ уже почти окончена постройка великолѣпнаго православнаго собора въ центрѣ Тоокію.

Многіе изъ японцевъ, приближенныхъ ко двору микадо, ведутъ даже домашнюю жизнь по европейскому образцу; но многіе очень неохотно принимаютъ европейскую цивилизацію и даже противятся ей, стараясь свято сохранить костюмъ и обычаи старой Японіи.

Въ 1884 году мнѣ случилось бывать на балахъ, даваемыхъ японскими министрами въ новомъ Императорскомъ клубѣ, устроен-

номъ совершенно по-европейски. Эти балы представляли собою очень интересную картину смѣси старой и новой Японіи. Рядомъ съ блестящими шитыми золотомъ придворными мундирами и фраками были видны черные, съ бѣлыми круглыми гербами на спинѣ и рукавахъ, шелковыя кимоно. Черный цвѣтъ считается японцами самымъ элегантнымъ. Многія знатныя дамы были причесаны и одѣты по послѣдней парижской модѣ и блистали брильянтами и драгоценными камнями. Дамы же-приверженцы старой Японіи представляли удивительный контрастъ съ ними, но не отказывались танцевать кадрили: легкіе танцы въ кимоно танцевать, конечно, невозможно. Ужинъ обыкновенно сервировался à la four-

chette *), по-европейски, но и здѣсь не обходилось безъ комизма: многія японки, положивъ себѣ на тарелку какого-нибудь кушанья, ставили ее на стуль, садились передъ нимъ на корточки и принимались за ѣду, плохо справляясь съ ножомъ и вилкой. На одномъ изъ баловъ былъ наследникъ престола въ черномъ фракѣ и въ лентѣ черезъ плечо. Онъ воспитывался въ Англии. Оркестръ музыки игралъ танцы на духовыхъ инструментахъ и состоялъ исключительно изъ

*) Это когда не накрываютъ столъ, какъ къ обѣду, а кладутъ на него кучками ножи, вилки, ложки, тарелки и ставятъ всѣ кушанья сразу; затѣмъ каждый подходитъ къ столу, когда захочетъ, выбираетъ что-нибудь изъ закусокъ и кушаній и садится съ своей тарелкой гдѣ пожелаетъ.

японцевъ; онъ былъ положительно безукоризненъ. Какъ видно, и въ музыкальномъ отношеніи японцы оказываются далеко не безъ способностей.

Мнѣ удалось также присутствовать на парадѣ войскъ и быть представленнымъ вмѣстѣ съ другими императору во дворцѣ. На громадномъ плацу были выстроены войска всѣхъ родовъ оружія. Парадомъ командовалъ военный министръ. Микадо, въ мундирѣ, шитомъ золотыми шнурами, и лентѣ, былъ верхомъ на небольшой смирной лошаdkѣ. Нельзя сказать, чтобы его фигура была величествена. Всѣ войска проходили мимо него церемоніальнымъ маршемъ. Смотри на эти стройные ряды пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, положительно забы-

ваешь, что находишься въ Япо-
ніи: такъ хорошо эти войска вы-
муштрованы и выучены.

Дворецъ микадо сохранилъ еще
свой старый видъ. Прежде чѣмъ
вести насъ въ тронный залъ для
представленія микадо, насъ уз-
кимъ и длиннымъ коридоромъ
провели въ пріемныя комнаты
для ожиданія, пока микадо не
пожелаетъ насъ видѣть. Съ пер-
выхъ же шаговъ внутренность
дворца поражаетъ соединеніемъ
удивительной простоты съ замѣ-
чательной изящностью: стѣны и
потолокъ коридора были выло-
жены чисто выструганнымъ, плот-
нымъ бѣлымъ деревомъ, и на
стѣнахъ черезъ извѣстные проме-
жутки висѣли небольшіе золотые
императорскіе гербы.

Убранство пріемной комнаты

было на европейскій образецъ, но вся мебель, всѣ вещи были настоящей японской работы. Дерево стульевъ и кресель было японской рѣзьбы и покрыто чернымъ японскимъ лакомъ съ золотыми рисунками императорскихъ гербовъ. Обивка была голубого шелка съ вытканными бѣлыми гербами. Столы были покрыты салфетками дорогой разноцвѣтной японской парчи; на нихъ было по лампѣ темной японской бронзы съ золотой и серебряной инкрустаціей и, наконецъ, спичечницы, пепельницы и ящички для сигаръ и папиросъ,—все было мѣстной наилучшей работы. На меня это произвело замѣчательно пріятное впечатленіе.

Въ тронный залъ мы прошли черезъ цѣлый рядъ комнатъ —

не помню, какихъ—мы ихъ прошли быстро. Изъ послѣдней комнаты въ тронный залъ вела золотая дверь, передъ которой насъ остановили и черезъ нѣсколько секундъ ввели въ залъ. Въ концѣ его—это небольшая низенькая комната—стоялъ тронъ и передъ нимъ императоръ во фракѣ съ лиловыми шнурами и въ лентѣ. По обѣ стороны его были принцы императорской крови и сановники. Адмиралъ громко, на русскомъ языкѣ, прочиталъ привѣтствіе, которое нашъ государь посылалъ микадо; оно было переведено драгоманомъ *) на японскій языкъ. Затѣмъ микадо сдѣлалъ рукой знакъ, и одинъ изъ сановниковъ отвѣтилъ намъ отъ

*) Переводчикъ при посольствѣ.

имени микадо на наше привѣтствіе на японскомъ языкѣ; это уже было переведено на французскій языкъ. Размѣнявшись привѣтствіями, мы, согласно этикету двора, все время согнувшись, начали пятиться назадъ и такъ постепенно вышли изъ залы.

Говорятъ, что микадо свою домашнюю семейную жизнь продолжаетъ вести строго по роднымъ обычаямъ старой Японіи, хотя во всемъ остальномъ дѣятельно ведетъ государство по новой дорогѣ.

Европейская цивилизація впрочемъ еще не такъ глубоко пустила корни въ Японіи. Во многихъ внутреннихъ провинціяхъ жизнь японца остается еще въ полной неприкосновенности; но это ненадолго: скоро, скоро на-

ступитъ время, когда Японія вся переродится окончательно, и о томъ, что я теперь описалъ, останутся только одни воспоминанія.

КОРЕЯ.

I.

Медленно, осторожно подвигался нашъ корветъ вдоль западнаго берега Кореи, среди множества острововъ, островковъ, рифовъ и мелей. Эти мѣста еще мало изслѣдованы, а потому и карты, которыми намъ приходилось пользоваться, очень неточны:

Мы шли въ корейскій портъ Че-муль-по для заключенія торговаго договора русскаго правительства съ корейскимъ.

Долгое время, цѣлые вѣка, жили корейцы совершенно замкнуто; еще недавно всякому, будь то европеецъ, китаецъ или японецъ, угрожала смерть, если бы онъ вздумалъ поселиться въ качествѣ мирнаго земледѣльца на этой запрещенной землѣ.

Между Кореей и Китаемъ на границѣ существовала, по договору, широкая полоса земли, на которой никто не смѣлъ селиться; эта полоса была притономъ для китайскихъ и корейскихъ разбойниковъ, и горе было купеческому каравану, попавшему имъ въ руки. Всего лѣтъ двадцать пять тому назадъ китайскіе послы, ѣздившіе въ Корею поздравить короля съ его бракосочетаніемъ, не имѣли пристанища во время пути черезъ эту поло-

су, кромѣ ямъ, выкопанныхъ въ землѣ и прикрытыхъ рогожами; чтобы избѣжать нападенія волковъ и тигровъ, они должны были окружать свое становище горящими кострами.

Послѣднее время однако эта полоса стала постепенно заселяться, корейцы начали понемногу знакомиться съ другими народами и теперь наконецъ сознали необходимость завести торговыя сношенія съ европейскими государствами и рѣшились открыть для этого нѣсколько приморскихъ городовъ, между прочимъ и Чемуль-по, который находится какъ разъ посрединѣ западнаго берега Кореи и всего верстахъ въ шестидесяти отъ столицы.

Мы уже заранѣе радовались увидѣть много новаго и интерес-

наго. Въ Корею вѣдь европейцы проникали очень рѣдко; всѣ свѣдѣнія, какія только имѣлись о Корей, добыты христіанскими миссіонерами, которые начали посѣщать ее съ 1835 года для проповѣди слова Божія. Они исходили почти всю западную часть полуострова, пробираясь туда одни сухимъ путемъ изъ Китая, другіе же моремъ. Но отважные путешественники не могли сдѣлать много наблюденій; они должны были вести жизнь скрывающихся бѣглецовъ и передвигаться только ночью, да и то по малолюднымъ дорогамъ. Китайскія и японскія сочиненія о Корей даютъ очень смутное представленіе объ этомъ государствѣ; у самихъ же корейцевъ существуетъ даже законъ, который строго за-

прещаетъ не только распростра-
нять, но даже и составлять ка-
кія бы то ни было записки о
своемъ отечествѣ. При такихъ
условіяхъ, конечно, невозможно
было достать сколько-нибудь вѣр-
наго описанія этой страны.

Утро, когда мы подходили къ
Кореѣ, было пасмурное; море до-
вольно гладко, но какъ-то без-
цвѣтно; кругомъ мрачно и уныло.
Одинъ за другимъ проносились
мимо насъ желто-сѣрые, пустын-
ные и безъ всякой зелени ост-
ровки; только самыя верхушки
ихъ, высоко торчащія изъ воды,
покрыты кое-какою жалкою рас-
тительностью. Невольно является
вопросъ: почему эти острова такъ
голы и непривѣтливы? Неужели
вся Корея такова? Вѣдь она ле-
житъ между 30⁰ и 40⁰ широты,

слѣдовательно южнѣе даже Италіи. Что за причина такого явленія? Вопросъ разрѣшается очень просто: берега Кореи, въ особенности западные, подвержены грандіозному міровому явленію приливовъ и отливовъ морской воды. Каждый день два раза въ сутки море начинаетъ какъ будто наплывать на берега Кореи, вода съ силой врывается въ заливы, проливы и устья рѣкъ; берега затопляются, острова погружаются въ воду, а рѣки на далекое пространство начинаютъ течь въ обратную сторону, т. е. не въ море, а изъ моря. Чѣмъ уже пространство, въ которое врывается море, тѣмъ вода поднимается выше и течение дѣлается бурливѣе и быстрѣе. Такой приливъ продолжается ровно шесть часовъ. За-

тѣмъ море точно устанеть отъ своей работы, пріостановится ненадолго и, какъ бы отдохнувъ отъ стремительнаго набѣга, начинаетъ отступать; въ рѣкахъ появляется обратное теченіе—опять въ океанъ; сначала медленно, потомъ быстрѣе, быстрѣе, и наконецъ вода снова стремительнымъ потокомъ уносится уже отъ земли, постепенно освобождая устья рѣкъ, проливы, заливы и выпуская на свѣтъ Божій затопленные острова. Это послѣднее явленіе, называемое отливомъ, продолжается тоже шесть часовъ, послѣ чего движеніе океана опять ненадолго пріостанавливается, чтобы сейчасъ же снова начать свое шестичасовое наступленіе. Такимъ образомъ въ сутки бываетъ два прилива и два отли-

ва, и такъ вѣчно, съ сотворенія міра и до его окончанія.

Приливы и отливы бываютъ у всѣхъ океанскихъ береговъ во всѣхъ частяхъ свѣта, но у однихъ они незначительны—вода поднимается всего на одинъ футъ, у другихъ же, наоборотъ, явленіе это достигаетъ громаднхъ размѣровъ, какъ, на примѣръ, въ Корей, гдѣ вода поднимается на шесть и даже болѣе сажень противъ обыкновеннаго уровня. Кореицы, конечно, совершенно освоились съ такимъ явленіемъ, и имъ бы сдѣлалось странно, если бы вдругъ прилива не случилось; но на человѣка непривычнаго приливы и отливы производятъ сильное впечатлѣніе. Вотъ, благодаря особенно высокимъ приливамъ, всѣ островки около Кореи и бе-

рега ея и лишены всякой растительности.

Когда мы подходили къ Чемуль-по, начинался приливъ, и корветъ несло течениемъ все быстрѣе и быстрѣе, не смотря на то, что машина работала очень медленно. Скоро впереди, на глинистомъ берегу, показались бѣлыя пятнышки,—это и былъ корейскій портъ, цѣль нашего путешествія. Мы стали на якорь очень далеко отъ берега, даже въ бинокль трудно было разобрать что-нибудь. Погода окончательно испортилась, заморосилъ дождикъ, совсѣмъ какъ у насъ въ Петербургѣ, и окружающій видъ сталъ еще сѣрѣе, еще унылѣе.

Непривѣтливою казалась Корея снаружи.

II.

Черезъ день послѣ прихода корвета командиръ, чиновники, прибывшіе съ нами, и нѣсколько офицеровъ отправились въ столицу сухимъ путемъ для выполненія возложенной на нихъ задачи, т. е. для заключенія торговаго договора. Другой отрядъ офицеровъ по приказанію командира долженъ былъ отправиться рѣкою Ганъ, недалеко отъ устья которой стоялъ нашъ корветъ.

Цѣль этого отряда заключалась въ провѣркѣ карты рѣки, въ нанесеніи на нее вѣрной глубины, въ описаніи береговъ и т. д. Словомъ, нужно было въ концѣ концовъ рѣшить вопросъ: могутъ ли русскіе военные и торговые корабли пройти этой рѣкой поближе къ столицѣ. Чтобы достигнуть мѣста, гдѣ эта рѣка протекаетъ ближе всего отъ Сеула (названіе столицы), нужно было подняться вверхъ по ней на 90 верстъ; другими словами, путешествіе предстояло продолжительное и интересное. Я чрезвычайно обрадовался, когда узналъ, что попалъ въ эту занимательную экспедицію.

Мы снарядились на двѣ недѣли: недѣлю положили на путь туда и недѣлю на обратный.

Ночевать, пить, ѣсть и работать предполагалось на шлюпкахъ (на лодкахъ), а потому мы устроились такъ: двигателемъ нашимъ былъ паровой катеръ (лодка-пароходъ); на немъ же мы установили на треногѣ большой компасъ и приготовили всѣ необходимые инструменты для измѣренія глубины, опредѣленія скорости течения и пр. Къ кормѣ парового катера привязали на толстомъ буксирѣ (веревка) барказъ,—это самая большая на кораблѣ шлюпка, обыкновенно на ней восемнадцать человѣкъ гребцовъ; но теперь мы вытащили всѣ весла, натянули надъ всѣмъ барказомъ потолокъ изъ парусиннаго тента, пространство между бортомъ и тентомъ тоже завѣсили парусиной, и такимъ образомъ получилась

прекрасная большая комната, защищенная отъ дожда и вѣтра. Въ носовой половинѣ, отдѣленной парусинною перегородкою, мы устроили помѣщеніе для матросовъ и жаровню-кухню, а кормовая часть служила намъ спальней и столовой. Въмѣсто постелей разостлали тонкіе матросскіе тюфяки, набитые мелкою пробкой. Затѣмъ для сѣзда на берегъ изъ нашего комфортабельнаго помѣщенія мы взяли еще туз и къ, — такъ называются маленькія, коротенькія, но широкія лодочки на одного гребца и двухъ человѣкъ пассажировъ. Эта лодка очень удобна для плаванія по мелководью.

Кромѣ всевозможной провизіи, состоявшей преимущественно изъ консервовъ, мы захватили

съ собой охотничьи ружья съ цѣлю разнообразить свой обѣдъ свѣжею дичью, которую, конечно, мы предполагали найти въ изобиліи.

Наша экспедиція тронулась въ путь рано утромъ, какъ разъ въ то время, когда была малая вода, т. е. окончился отливъ и сейчасъ долженъ былъ начаться приливъ. Такой моментъ мы выбрали, во-первыхъ, для того, чтобы съ приливнымъ теченіемъ поскорѣе добраться до устья рѣки, а во-вторыхъ, чтобы хорошенько провѣрить и обозначить на картѣ всѣ высунувшіеся изъ воды послѣ отлива острова и мели. Дѣйствительно, съ приливомъ катеръ шибко подвигался впередъ, и работа шла очень успѣшно. Погода на наше счастье была велико-

лѣпная: яркое и горячее солнце постепенно поднималось все выше и выше, но оно не было утомительно, легкой вѣтерокъ отлично освѣжалъ и бодрилъ насъ. Скоро мы миновали маленькіе острова и вошли въ проходъ, между двумя рядами, большихъ гористыхъ острововъ; на каждомъ шагу, по обѣимъ сторонамъ, встрѣчались старыя полуразрушенныя каменныя крѣпости и стѣны, — это остатки когда-то, быть можетъ, и грозныхъ укрѣпленій, возведенныхъ корейцами для защиты отъ китайцевъ и японцевъ. Корея вѣчно находилась въ зависимости, то отъ однихъ сосѣдей, то отъ другихъ, а то такъ и отъ обоихъ вмѣстѣ; много дани принуждена она была платить китайцамъ и япон-

дамъ. Последнее время у нея появился еще новый сосѣдь — это мы, русскіе, и съ нами ей тоже приходится считаться.

Въ настоящій моментъ Корея подвластна Китаю, при чемъ зависимость ея выражается только тѣмъ, что она платитъ богдыхану ежегодную дань, а взамѣнъ этого получаетъ отъ него китайскій календарь.

Когда мы подходили къ устью одного изъ рукавовъ Гана, то приливное теченіе было уже очень велико, такъ что въ устье рѣки мы положительно влетѣли. Напрасно пробовали убавить ходъ парового катера, чтобы тщательнѣе измѣрить глубину или зарисовать тотъ или другой выдающійся мысокъ берега. Быстро миновали мы этотъ рукавъ и при-

готовлялись повернуть въ самую рѣку, но тутъ теченіе причинило намъ крупную непріятность, едва не кончившуюся очень печально. При соединеніи двухъ рукавовъ, приливъ устремляется въ рѣку съ неимовѣрною силой, производя водовороты и быстрины; какъ только катеръ попалъ сюда, его начало бросать во всѣ стороны, онъ пересталъ слушаться руля, и всю нашу флотилію понесло произвольно съ необычайною быстротою. Мы, признаться, растерялись: что было дѣлать? и только что хотѣли бросить въ воду нашъ небольшой якорь, чтобы задержаться на мѣстѣ, какъ случилось что-то непонятное: катеръ вдругъ сильно ударился обо что-то дномъ и такъ стремительно качнулся въ сторону, что чуть

не перевернулся. Не знаю, какимъ чудомъ мы не полетѣли за бортъ.

Все это произошло въ одну секунду, и когда мы опомнились, то прежде всего замѣтили, что компаса нѣтъ: онъ полетѣлъ въ воду, невдалекѣ отъ насъ плавалъ только одинъ деревянный треножникъ. Боже, какъ это было неприятно! Мы лишились возможности производить дальнѣйшую работу точнымъ образомъ; затѣмъ, компасъ стоилъ дорого, а намъ, какъ виновнымъ, предстояло замѣнить его новымъ, и наконецъ, самое главное, неприятность предстоящей отвѣтственности предъ начальствомъ. Мы отлично сознавали, что виноваты въ этой потерѣ: какъ можно было не укрѣпить, какъ слѣдуетъ,

такой важный и дорогой инструментъ, какъ компасъ?!

Первая мысль послѣ того, какъ мы оправились, была, конечно, спасти этотъ приборъ. Моментально застопорили машину и бросили якорь, чтобы остановиться—но, увы! якорь не держалъ, а бороздилъ по рыхлому песчаному дну, и катеръ продолжало нести по теченію съ неменьшею быстротою; дали полный ходъ впередъ противъ теченія, — все-таки несло назадъ и унесло далеко отъ мѣста драгоценной потери. Наконецъ якорь зацѣпился за что-то, и катеръ остановился. Мы рѣшили стоять до тѣхъ поръ, пока не прекратится приливъ и затѣмъ послѣ отлива наступитъ малая вода. Мы утѣшали себя, что при тихомъ

мелководии непременно найдемъ на днѣ нашъ злополучный компасъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ не маленькій, величиной съ порядочную кастрюлю. Пока же, въ ожиданіи малой воды, которая должна была наступить часовъ черезъ восемь, мы съ тяжелымъ чувствомъ и безъ всякаго аппетита принялись за завтракъ.

III.

Однако всѣ старанія отыскать нашу потерю были тщетны, и такъ какъ начало уже темнѣть, то мы рѣшили, переночевавъ на якорѣ, съ разсвѣтомъ отправиться далѣе. Погода опять благопріятствовала, но итти рѣкою съ такими капризными теченіями, не зная ея глубинъ, было очень трудно и утомительно.

Берега рѣки Гана мѣстами очень живописны; они окаймля-

Очень часто по берегамъ рѣки мы встрѣчали убогія корейскія деревушки; въ одну изъ нихъ мы зашли, желая достать какой-нибудь свѣжей провизіи: яиць, курицу или мяса,—но попытка наша не увѣнчалась успѣхомъ. Корейцы приняли насъ непривѣтливо, объясняться съ ними было очень трудно; однако мы кое-какъ растолковали имъ, что намъ нужно, но когда дѣло дошло до расплаты, то они съ недоумѣніемъ смотрѣли на серебряный мексиканскій долларъ (около 2-хъ рублей), который находится въ обращеніи на весь азіатскомъ востокѣ, и не хотѣли его брать. Такъ мы и разстались, ничего не получивши.

Передъ уходомъ нашимъ на тузикъ прибѣжали два корейца и

знаками пригласили слѣдовать за собой. Мы пошли, и насъ привели къ небольшому домику среди деревни; домикъ этотъ былъ немного почище и побольше остальныхъ. Насъ провели черезъ дворъ въ комнату, и мы предстали передъ старцемъ - корейцемъ. Онъ съ важнымъ видомъ сидѣлъ съ поджатыми ногами посреди пола, покрытаго соломенной циновкою. При нашемъ входѣ онъ не всталъ, а наши провожатые начали ему кланяться; мы сочли вѣжливымъ поклониться тоже, но старикъ едва удостоилъ насъ кивкомъ головы и съ важною осанкой началъ что-то говорить. Судя по тону голоса, это были какіе-то вопросы; вѣроятно, онъ спрашивалъ, кто мы такіе и зачѣмъ пришли. Конечно,

мы ничего не поняли и смотрѣли на всю эту сцену съ большимъ недоумѣніемъ; напыщенная важность и голосъ старика были такъ комичны, что мы невольно расхохотались. Старику это, видимо, не понравилось, и онъ сдѣлалъ суровое лицо. Чтобы какъ-нибудь задобрить его, одинъ изъ насъ подошелъ къ нему и, желая какъ-нибудь выразить любезность, вынулъ портсигаръ и предложилъ папироску, при чемъ хлопалъ старика по плечу. Боже, какъ мы раскаивались въ этомъ! Старикъ просто разсвирѣпѣлъ, гордымъ жестомъ отстранилъ руку съ портсигаромъ и отвернулся. На лицахъ другихъ корейцевъ было видно негодованіе. Послѣ такого неудачнаго визита мы сочли за лучшее удалиться, пожа-

лѣвъ, что не знакомы съ корейскимъ языкомъ и обычаями. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ мы сильно оскорбили этого важнаго старика, который, вѣроятно, былъ старшиной деревни.

День мы шли и производили работы, а ночь отдыхали, стоя на якорѣ. За три версты до конечнаго пункта нашего путешествія изъ-за поворота рѣки открылась очень красивая картина: оба гористые берега рѣки, которая здѣсь не широка, были сплошь покрыты бѣлыми домиками, живописно раскинутыми по склонамъ возвышенностей. Это ужъ была не деревня, а цѣлый торговый городъ съ двадцатью тысячами жителей. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ болѣе возрастало наше любопытство. Бѣлые

домики оказались просто глиняными мазанками съ соломенными крышами. Народа въ городѣ двигалось очень много: онъ копошился, какъ муравьи въ муравейникѣ. На рѣкѣ было большое оживленіе: сновали лодочки, и у незатѣйливыхъ двухъ-трехъ деревянныхъ пристаней шла оживленная нагрузка и выгрузка товаровъ.

Мы стали на якорь невдалекѣ отъ берега; тутъ сейчасъ же собралась толпа корейцевъ и съ большимъ удивленіемъ смотрѣла на нашу флотилію. Когда же мы съѣхали на пристань, то насъ окружили и смотрѣли, какъ на какихъ-то невиданныхъ заморскихъ звѣрей. Мы терпѣливо стояли на мѣстѣ и давали полную свободу разсматривать себя со всѣхъ

сторонъ. Въ дѣлѣ осмотра корейцы очень похожи на нашъ простой народъ: глазамъ не вѣрятъ, до всего нужно дотронуться руками. Матерія, пуговицы, сапоги и въ особенности погоны ихъ удивляли страшно.

Корейцы одѣты точно наши священники, съ тою только разницею, что ихъ одежда вся совершенно бѣлаго цвѣта. Прежде всего васъ поражаютъ ихъ высокія коническія шляпы: онѣ сквозныя и кажутся сплетенными изъ волоса, на самомъ же дѣлѣ ихъ дѣлаютъ изъ тонкихъ волоконъ бамбука, окрашенныхъ въ черную блестящую краску; верхушки нѣкоторыхъ изъ нихъ украшены прелестными серебряными фигурками, изображающими журавлей или другихъ какихъ-то

птицъ. Шляпы сплетены очень искусно и составляютъ головной уборъ торговцевъ и вообще богатаго класса народа. Форма ихъ такова, что при очень широкихъ поляхъ коническая верхушка не надѣвается на голову, а служитъ только для помѣщенія пучка волосъ, которые носятъ длинными и прикручиваются въ пучокъ на темени; лобъ же и затылокъ затянуты при этомъ волосяною повязкой въ видѣ ермолки. Чтобы такая странная шляпа не сваливалась съ головы, ее подвязываютъ широкою шелковою лентой, бантомъ подъ подбородкомъ. У нѣкоторыхъ головные уборы покрыты желтою промасленною бумагой, концы которой заткнуты за поясъ,—это, вѣроятно, на случай дождя. Крестьяне и бѣдный

классъ покрываютъ голову шля-
пой на манеръ опрокинутой хлѣб-

Корейскій рабочій.

ной чашки, сплетенной изъ со-
ломы.

Верхняя одежда корейцевъ
имѣетъ разрѣзъ спереди и съ бо-

ковъ до пояса; она накрахмалена и отличается безукоризненною чистотой и бѣлизной. Простой народъ, конечно, не носить такого костюма: ему было бы неудобно въ немъ работать; крестьяне носятъ бѣлые штаны и такую же куртку, а голову обматываютъ иногда кускомъ бѣлаго полотна.

Костюмы корейцевъ шиты изъ бумажной матеріи, такъ какъ никакой другой туземцы выдѣлывать не умѣютъ. Это тѣмъ болѣе странно, что въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія корейцы были учителями японцевъ во многихъ отрасляхъ промышленности; а теперь они сильно отстали отъ своихъ учениковъ, сохранивъ только превосходство въ выдѣлкѣ холоднаго оружія и

писчей бумаги. О шерстяныхъ матеріяхъ они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія и должны обходиться безъ нихъ, хотя морозы въ Корей бываютъ не меньше нашихъ; тогда они довольствуются тѣмъ, что удваиваютъ или утраиваютъ число одеждъ.

IV.

Внимательно рассматривая корейцевъ, я никакъ не могъ рѣшить, какой у нихъ общій типъ, до того лица ихъ разнообразны. Одни изъ нихъ съ широкою головою, выдающимися скулами, косыми глазами, маленькимъ широкимъ носомъ, который почти теряется въ округлости щекъ, и съ толстыми губами; цвѣтъ лица при этомъ мѣдно-красный. Полную противоположность такому

типу, который чаще встрѣчается у рабочаго люда, представляют собою корейцы съ удлинненнымъ оваломъ лица и выпуклымъ съ горбинкой носомъ. У этихъ есть еще одна особенность—это выступающіе впередъ бѣлые, красивые зубы, которые всегда видны сквозь слегка полуоткрытый ротъ. Тонкая кожа лица ихъ совершенно матовая, съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, а подбородокъ иногда покрытъ довольно густою клинообразною бородкой. Вообще, насколько первый типъ грубъ, неуклюжъ, и ширококостенъ, настолько послѣдній отличается нѣжнымъ сложениемъ. Руки нѣкоторыхъ корейцевъ второго типа такъ малы и изящны, что имъ могутъ позавидовать, пожалуй, и европейскія дамы.

Но поражало болѣе всего меня то, что среди корейцевъ очень много съ свѣтло-русыми волосами и голубыми глазами; ни въ какой другой странѣ крайняго востока Азіи мы не встрѣчали ничего подобнаго. Говорятъ, что во многихъ округахъ Кореи можно вообразить себя окруженнымъ европѣйцами, если бы только костюмы и языкъ не напоминали, что находишься на берегу Тихаго океана.

Ни одна книга не удовлетворитъ вашему любопытству, если бы вы захотѣли узнать происхожденіе этихъ различныхъ типовъ, которые судьба привела на одинъ небольшой полуостровъ и изъ которыхъ образовала цѣлый народъ.

Ученые изслѣдователи не мо-

гутъ до сихъ поръ рѣшить этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе, что языкъ корейцевъ нисколько непохожъ ни на китайскій, ни на японскій, да и ни на одинъ изъ знакомыхъ европейцамъ языковъ. Сами корейцы не имѣютъ никакихъ преданій о своемъ происхожденіи. Одни говорятъ, что ихъ предки произошли отъ черной коровы, которая паслась на берегахъ Японскаго моря; болѣе знатные не признаютъ это животное за своего родоначальника, а утверждаютъ, что прародителемъ ихъ было солнце.

Лица корейскихъ женщинъ благороднаго происхожденія намъ не удалось видѣть: онѣ рѣдко выходятъ днемъ, а если и выходятъ, то голова ихъ закрыта мантилей, чаще всего зеленого

цвѣта; оставлено только отверстіе для глазъ. Говорятъ, что онѣ отличаются красивыми чертами и миловидною фізіономіей. Не знаю, правда ли это, но нельзя сказать ничего подобнаго о крестьянкахъ и торговкахъ, которыя ходятъ съ открытыми лицами; эти, наоборотъ, очень некрасивы и неуклюжи; ихъ плоскія, широкія лица съ маленькими косыми глазами очень непривлекательны. Замѣчательно, что корейская женщина не имѣетъ имени и по законамъ, какъ существо совершенно безотвѣтное, не можетъ быть ни судима, ни наказываема. Имя или кличку ей даетъ мужъ; онъ же и расправляется съ нею, какъ знаетъ. Впрочемъ рѣдко бываетъ, чтобы мужа худо обращались со сво-

ими женами. Кореянки пользуются очень ограниченной свободой и ведут затворническую жизнь въ отдѣльной части дома, неприкосновенной даже для полиціи; онѣ вообще не выходятъ изъ дома днемъ: для нихъ было бы позоромъ показываться на улицахъ города до заката солнца. А чтобы здоровье ихъ не страдало отъ затворничества, онѣ могутъ прогуливаться вечеромъ, когда мужчины послѣ дневныхъ работъ вернутся въ свои жилища. Въ девять часовъ вечера лѣтомъ и нѣсколько раньше зимой особый сигналъ возвѣщаетъ о наступленіи момента, когда улицы предоставляются въ распоряженіе женщинъ: мужчины торопятся домой и тѣ, которые замѣшались, обязаны при встрѣчѣ съ

дамами переходить на другую сторону улицы, закрывая себѣ лицо руками или опахаломъ. Кто поступаетъ иначе, тотъ, значить, не понимаетъ никакихъ правилъ приличія.

Здѣсь, въ городѣ, какъ и въ деревушкѣ, никто изъ корейцевъ не признавалъ нашихъ денегъ. Мы пришли въ полное отчаяніе: консервы намъ страшно надоѣли, захотѣлось чего-нибудь свѣжаго, но объ этомъ нечего было и думать,—размѣнять наши доллары было невозможно. Измученные и недовольные, вернулись мы на свой барказъ, но такъ какъ голодь бралъ свое, то, дѣлать нечего, надо было приняться за раскупорку какой-нибудь ненавистой жестянки.

— Ба, господа, да зачѣмъ же

у насъ охотничьи ружья? Пойдемте на охоту; тамъ подальше отъ города, навѣрное, можно найти что-нибудь, сказалъ одинъ изъ нашей компаніи — записной охотникъ.

Конечно, поднялись насмѣшки и остроты. Однако это не измѣнило его намѣренія, онъ живо собрался въ путь; я не выдержалъ и послѣдовалъ его примѣру. Намъ напутствовали добрымъ смѣхомъ, съ пророчествомъ что корейцы заберутъ насъ въ плѣнъ.

Дѣйствительно, корейцы непривѣтливо и удивленно поглядывали на наши двустволки. Однако мы миновали городъ благополучно, и когда вышли на береговую песчаную, низменную лощинку, покрытую кочками, то сразу пришли въ веселое настро-

еніе: тутъ оказалось много маленькихъ болотныхъ птичекъ, имѣющихъ очень большое сходство съ нашими куличками. Не напуганная охотниками птичка подпускала очень близко, и мы въ короткій промежутокъ времени убили ихъ около 20 штукъ.

Каково было наше торжество, по возвращеніи домой! Товарищи не вѣрили глазамъ своимъ и увѣряли, конечно, что дробь у насъ была серебряная. Однако какъ бы то ни было, а ужинъ оказался превосходнымъ, дичь была очень вкусна. Мы рѣшили, что никогда еще не ѣдали такой, а впрочемъ, можетъ быть, намъ показалось это послѣ продолжительнаго сидѣнія на консервахъ.

V.

Вотъ мы и около корейской столицы. Передъ нами огромныя ворота, обдѣланныя какимъ - то сѣрымъ камнемъ, на которомъ высѣчены очень прихотливыя и не лишенныя красоты узоры. Корейцы, должно быть, крѣпко боялись, чтобы сосѣди не проникли въ ихъ столицу, и обнесли ее очень высокою и толстою стѣною; ворота запираются тремя парами дверей, сплошь око-

ванными толстымъ желѣзомъ;
чудовищные засовы снабжены
не менѣе чудовищными по вели-

Ворота Корейской Столицы.

чинѣ замками. Каждый день въ
извѣстный часъ ворота закрыва-
ются, и никто не можетъ ни вой-
ти, ни выйти изъ города. По

правую сторону воротъ стоитъ большой камень съ высѣченною на немъ надписью, которая гласить, какъ мы потомъ узнали, что каждый кореецъ долженъ убивать всякаго иностранца, осмѣлившагося высадиться на ихъ полуостровъ.

Сами корейцы называютъ свою столицу Ганъ-Янь, но у европейцевъ она извѣстна подъ именемъ «Сеуль», что значитъ по корейски просто «столица». Въ Сеулѣ около 200,000 жителей, значитъ, городъ большой, а потому мы ожидали, что передъ нами откроется величественная картина грандіозныхъ старинныхъ построекъ; но мы были очень разочарованы, когда, вступивъ въ грязную вонючую улицу, увидѣли рядъ простыхъ

глиняныхъ мазанокъ съ соломенными и рѣдко черепичными кровлями, безъ оконъ. Около каждой мазанки заборъ и въ немъ небольшія ворота или калитка. Вдоль линіи домовъ тянутся канавки съ зловонною жидкостью: корейцы выводятъ всѣ нечистоты въ эти канавки. При такихъ условіяхъ наша прогулка не обѣщала быть привлекательною. Однако, какъ ни велико было разочарованіе, но по мѣрѣ того какъ мы подвигались впередъ, интересъ возбуждался все болѣе и болѣе. Улицы были довольно оживлены, народа сновало много и всѣ въ бѣлыхъ костюмахъ. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, почему въ Корей существуетъ такой обычай! Корейнкамъ не мало приходится работать, чтобы

содержать эти костюмы въ такой почти безукоризненной чистотѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь употребленіе мыла неизвѣстно. Онѣ съ ранняго утра до вечера только, кажется, тѣмъ и занимаются, что колотятъ мокрое бѣлье деревянными вальками.

Скоро мы вступили въ торговую часть города. Здѣсь наконецъ наше недоразумѣніе съ долларами было окончено: за каждый долларъ мы получили по длинной колбасѣ корейскихъ денегъ. Читатель улыбается этому выраженію, но оно вѣрно: у корейцевъ нѣтъ другой монеты, какъ «кешъ», цѣна котораго полкопѣйки на наши деньги, а такъ какъ стоимость доллара равна двумъ рублямъ, то за каждый долларъ мы получили по четы-

реста кешъ. Кешъ имѣеть по-
срединѣ четырехугольное отвер-
стіе, черезъ которое нанизывает-
ся на соломенную веревку; по
мѣрѣ расхода денегъ веревка
укорачивается и на ней завязы-
вается новый узелокъ, чтобы мо-
неты не сваливались.

Мы пустились въ путь, взва-
ливъ на каждое плечо по такой
денежной колбасѣ, рассчитывая
накупить пропасть диковинокъ.
Расчеты наши однако оказались
не вѣрны; послѣ другихъ странъ
Востока здѣсь рѣшительно не на
чемъ остановиться. Въ лавкахъ
служать приманкой бумажные
вѣера, филигранное серебро, под-
свѣчники, вышитыя наволочки,
подушки, котелки для варки ри-
са, плевательницы и тому подоб-
ная домашняя утварь, сдѣланная

изъ чисто отполированной мѣди. Только послѣдняя, кажется, и сдѣлана руками корейцевъ, все же остальное привезено изъ Китая и Японіи. Мы тщетно разыскивали хоть что-нибудь интересное, выдѣлываемое дѣйствительно самими корейцами. Въ одной изъ лавокъ мы наткнулись на желѣзныя шка-тулки съ серебряною инкрустаціей, такихъ мы еще нигдѣ не видѣли; это, наконецъ, оказалось дѣйствительно чисто мѣстнымъ произведеніемъ, и мы съ большимъ вниманіемъ принялись разсматривать его. Работа оказалась очень хорошею, а нѣкоторые рисунки серебряной инкрустаціи замѣчательно красивы. Ящики снабжены иногда очень хитрыми секретными замками, въ родѣ нашихъ устюжскихъ. Судя по страш-

ной дороговизнѣ этихъ шкатулочекъ, корейцы очень высоко цѣнятъ свой трудъ и искусство.

Базаръ или рынокъ не великъ и не можетъ похвастать оживленностію и многолюдствомъ. На немъ продаются самые заурядные предметы: въ одномъ мѣстѣ на соломенныхъ циновкахъ грудами лежатъ фрукты, въ другомъ—овощи, въ третьемъ—посуда; но больше всего занимаются табачною торговлею. Корейцы большіе любители покурить и курятъ такъ же, какъ японцы, т-е. изъ крошечныхъ трубочекъ съ дѣтскій наперстокъ величиной, и начинаютъ курить тоже съ ранняго возраста. Почти всѣ фрукты привезены изъ Китая; они превосходнаго качества, въ особенности абрикосы и пер-

сики, и продаются очень дешево, напримѣръ, десятокъ персиковъ можно купить за семь копѣекъ. Сами корейцы не занимаются садоводствомъ, потому что слишкомъ обильные лѣтніе дожди и частые туманы не благопріятствуютъ полному дозрѣванію плодовъ.

Очень часто среди уличной толпы видишь чисто одѣтыхъ мальчугановъ съ подносиками на головѣ; подносики уставлены блюдечками риса, свинины, капусты, бутылочками съ рисовымъ виномъ и съ разными соусами. Это несется обѣдъ изъ какого-нибудь ресторана по заказу зажиточнаго корейца. Мальчики проворно и ловко лавируютъ среди толпы, нисколько не поддерживая подносиковъ рука-

ми. Всѣ подносики совершенно одного вида, вершковъ двѣнадцать въ діаметрѣ, круглые и на нижней сторонѣ имѣютъ невысокую подножку съ отверстіемъ, въ которое свободно входитъ голова. Мальчики, служащіе въ ресторанахъ, носятъ волосы заплетенными въ косу, висящую вдоль спины,—значить, они холостяки: для женатыхъ такое занятіе считается неприличнымъ. А въ Корей не рѣдкость встрѣтить тринадцатилѣтнихъ ребятъ уже женатыхъ; они очень комичны: гордые своимъ семейнымъ положеніемъ, чванно расхаживаютъ по улицамъ, въ длинной бѣлой одеждѣ, съ трубочкою въ рукахъ и съ разными бездѣлушками въ видѣ украшеній на шляпѣ и поясѣ. Ихъ волосы непременно за-

чесаны въ пучокъ, который покоится подъ высокою широкополою шляпою.

На одной изъ большихъ улицъ наше вниманіе было остановлено какимъ-то шумомъ; идущая публика спѣшила почтительно разступиться. Оказалось, что шесть корейскихъ слугъ съ громкими криками несли въ креслѣ-паланкинѣ важнаго чиновника. Костюмъ этого господина рѣзко выдѣлялся изъ всей толпы: онъ былъ сдѣланъ изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ. На головѣ у него огромная шляпа съ хвостами изъ разноцвѣтныхъ шариковъ на томъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно бываютъ ленты. Другой такой же сановникъ ѣхалъ верхомъ на лошади, богато украшенной разноцвѣтными погре-

мушками. Разряженный вельможа сидѣлъ почти неподвижно на чрезвычайно высокомъ сѣдлѣ, какъ на какомъ-то возвышеніи, и едва поворачивалъ свою гордую голову. Все сѣдло расшито серебромъ, золотомъ и засыпано украшениями. Самъ сѣдокъ не править и не держитъ въ рукахъ поводьевъ,—это слишкомъ унижительно для него,—а лошадь ведутъ подъ уздцы двое слугъ; четверо другихъ идутъ по сторонамъ лошади и всегда готовы поддержать господина, если бы тотъ, потерявъ вдругъ равновѣсіе, началъ валиться съ своего высокаго сѣдалища.

Самые высокіе и знатные чиновники переносятся по улицамъ въ чрезвычайно странныхъ экипажахъ какой-то смѣшанной си-

стемы: это не то тачка, не то носилки, не то кресло, вѣрнѣе — кресло-носилки, поставленные на одно колесо. Чѣмъ знатнѣе лицо, тѣмъ большее число слугъ сопровождаетъ его. Очень часто знакомъ высокаго происхожденія вельможи служить то, что спинка его кресла покрыта леопардовою шкурой, которая играетъ большую роль во всѣхъ официальныхъ церемоніяхъ корейцевъ.

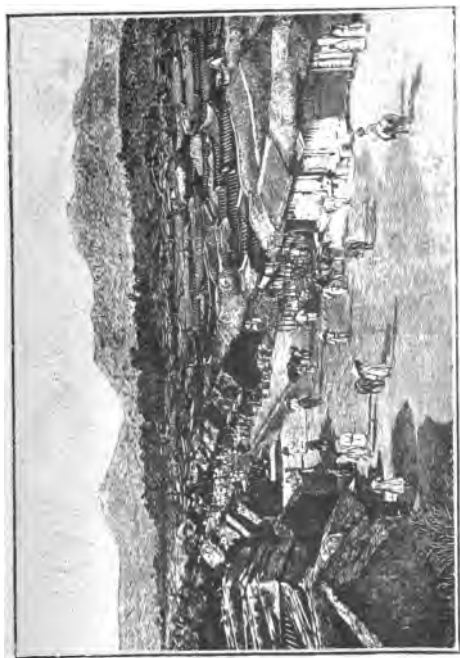
Среди уличной толпы большой интересъ представляютъ собою фигуры, одѣтыя въ траурный костюмъ изъ бѣлой пеньковой матеріи, опоясанный лентою или простою веревкой. Головы при этомъ почти совсѣмъ закрыты шляпами, очень похожими на опрокинутыя корзинки; шляпы

эти доходятъ до плечъ и имѣютъ только выемку для лица. Снизу лицо закрывается деревяннымъ треугольникомъ въ видѣ вѣера, который въ рукахъ у корейца. Никто не смѣетъ заговаривать съ этими печальными фигурами, да и сами онѣ говорятъ мало, а безмолвно съ сосредоточеннымъ видомъ бродятъ по улицамъ. Французскіе миссіонеры очень часто пользовались таинственнымъ траурнымъ нарядомъ для того, чтобы путешествовать скрываясь подъ защитою его отъ нескромныхъ вопросовъ мандариновъ и заниматься безъ опаски обращеніемъ народа въ христіанство.

VI.

Во всей столицѣ мы не нашли ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго зданія; самыя красивыя изъ нихъ смѣшанныя корейско-китайскія и корейско-японскія, и по характеру архитектуры и по внутреннему убранству. Даже тѣ дома корейцевъ, которые носятъ громкое названіе дворцовъ, представляютъ изъ себя вообще простыя мазанки

изъ глины, поднятыя на столбахъ и крытыя соломой. Расположеніе комнатъ въ домахъ страшно безтолково; коридоровъ и дверей между ними нѣтъ, и чтобы попасть изъ одной комнаты въ другую, надо всякій разъ выходить на улицу, — отъ того-то въ корейскихъ постройкахъ такъ много наружныхъ дверей. Разныя кладовыя и людскія комнаты удалены отъ главнаго строенія, а потому, если вамъ понадобится за чѣмъ-нибудь прислуга, то надо или терпѣливо ждать ея добровольнаго появленія, или идти самому и положительно охотиться за нею. Мы сами на себѣ испытали это неудобство. Странно, что корейцы до сихъ поръ не додумались до простаго колокольчика.

Столица Кореи Сеулъ.

Всѣ дома самой легкой дачной постройки, и потому невольно приходится въ голову вопросъ, какъ и чѣмъ отапливаются зданія зимою. По наружному виду, никакъ нельзя догадаться объ этомъ: нѣтъ никакихъ видимыхъ приспособленій. Тутъ корейцы оказались изобрѣтателями: ихъ отопленіе что-то въ родѣ нашего амосовскаго, т.-е. комнаты нагрѣваются теплымъ воздухомъ, который проходитъ изъ каминовъ, расположенныхъ подъ поломъ. Въ устройствѣ каминовъ есть еще чисто корейская выдумка—это дымовыя трубы, которыя выводятся вдали отъ строенія. Интересно бы было знать, насколько на самомъ дѣлѣ въ зимніе холода дѣйствителенъ такой способъ отопленія. Во всякомъ слу-

чаѣ, трудно предположить, чтобы тепло могло держаться продолжительное время въ такихъ легкихъ постройкахъ.

Стѣны комнатъ внутри оклеены чѣмъ-то въ родѣ обоевъ бѣлаго цвѣта, полъ же и потолокъ — желтою промасленною бумагой. На полу разостланы мягкія циновки, и посѣтители, такъ же, какъ въ Японіи, при входѣ въ горницы обязательно снимаютъ обувь у дверей. Убранство комнатъ самое простое: полное отсутствіе мебели, вмѣсто которой только въ богатыхъ домахъ разложены по полу мягкія подушки. Иногда въ стѣнѣ продѣлывается ниша, прикрытая дверкой и замѣняющая нашъ буфетъ.

Главная и характерная черта корейскихъ жилищъ та, что на

улицу дома не имѣютъ ни оконъ, ни дверей, сообщаются же съ нею черезъ ворота; всѣ окна безъ стеколъ, составляющихъ въ Корей предметъ великой роскоши. Въ самыхъ богатыхъ домахъ, въ подражаніе китайцамъ, разбивается на дворъ небольшой садикъ. Что касается чистоты въ жилищахъ, то ее вообще нельзя назвать безукоризненной.

Въ общемъ, въ Корей преобладаетъ нищета; это, вѣроятно, благодаря тому, что трудъ въ Корей считается позорнымъ дѣломъ. Для людей высшихъ классовъ ростовщичество, казнокрадство и хищенія всякаго рода составляютъ единственные средства къ существованію.

Домъ, гдѣ помѣщалось наше посольство, былъ одинъ изъ са-

мыхъ лучшихъ, и внутреннее убранство нѣкоторыхъ комнатъ было на европейскій ладъ, напримѣръ, спальень, столовыхъ; пріемныя же убраны по-японски. Главною гостиною служила небольшая комната, устланная пестрыми цыновками, и уставленная дорогими японскими вазами и ширмами. Здѣсь мы принимали визиты корейскихъ вельможъ.

О такихъ визитахъ давалось знать заблаговременно; отказъ въ пріемъ былъ бы сочтенъ за великое оскорбленіе. Большую часть церемоніальныхъ обычаевъ корейцы переняли отъ китайцевъ, а потому визиты эти были очень занимательны. Когда насъ пожелалъ посѣтить губернаторъ, то рано утромъ прислалъ гонца спросить о нашемъ здоровьи и сооб-

щить, что желаетъ насъ навѣ-
стить. Конечно, ему было заяв-
лено, что мы крайне счастливы
отъ такого къ намъ вниманія.

Часа черезъ два нашъ дворъ
переполнился корейцами, состав-
лявшими свиту губернатора; самъ
же онъ появился въ открытомъ
кругломъ креслѣ, черезъ спинку
котораго была, конечно, переки-
нута леопардовая шкура. По осо-
бой командѣ старшаго чиновни-
ка, кресло было поставлено на
землю, и все замерло, никто не
шевелился. Медленно началъ
вставать съ кресла вельможа; его
поддерживали съ обѣихъ сто-
ронъ слуги, и онъ тихимъ ша-
гомъ направился въ комнаты.
Одѣтъ онъ былъ чрезвычайно
пестро, что составляло рѣзкій
контрастъ съ окружающими его

подчиненными, которые были въ совершенно бѣлыхъ платьяхъ. Карминнаго цвѣта рукава его были вшиты въ голубое длинное платье, съ желтыми яркими наплечниками; на шеѣ висѣло ожерелье изъ бусъ, составленныхъ попеременно изъ амбры и краснаго сердолика; около подбородка одна изъ нитокъ перекрещивалась и шла вдоль щекъ для поддержки шляпы съ неизменно широкими полями; на шляпѣ была наколота крупная малиновая розетка, а талья туго перетянута поясомъ, сдѣланнымъ изъ плоскихъ сердоликовыхъ бляхъ.

Передъ входомъ губернаторъ снялъ свои огромные, чуть не вдвое больше ноги башмаки и послѣ двухъ-трехъ церемонныхъ фразъ вмѣстѣ съ чиновниками

усѣлся на полъ; мы сѣли на тутъ же стоящіе европейскіе стулья. Разговоръ нашъ не клеился, тѣмъ, болѣе, что онъ долженъ былъ вестись черезъ японца-переводчика. Губернаторъ казался смущеннымъ, но старался сохранить свою напыщенную важность. Ему предложили сигару, и онъ, пустивъ два клуба дыма, передалъ ее своимъ подчиненнымъ, которые передавали ее изо рта въ ротъ другъ другу, пока она не вернулась назадъ опять въ ротъ губернатора. То же произошло и со стаканчикомъ коньяка, который хотя и понравился корейцамъ, но показался имъ очень крѣпкимъ, такъ что они его не докончили.

Въ томъ же порядкѣ произошло и обратное движеніе до

кресла, и когда губернаторъ сѣлъ, то опять по данному сигналу всѣ сорокъ человѣкъ свиты прокричали что-то въ одинъ голосъ; слуги подняли кресло, и вся толпа съ какими-то громкими причитаніями церемоніальнымъ шагомъ тронулась со двора.

На другой день послѣ посѣщенія губернатора ожидался визитъ одного изъ министровъ короля. Этотъ визитъ, говорятъ, сопровождается гораздо бѣльшими церемоніями. Я сильно пожалѣлъ, что не могъ увидѣть его: нашей компаніи было приказано съ разсвѣтомъ отправиться на катеръ и идти въ обратный путь на корветъ.

Отливъ и на этотъ разъ доставилъ намъ не мало безпокойства. Путь-пути было пройдено

великолѣпно, мы шли съ отливнымъ теченіемъ и подвигались очень быстро. Выйдя на широкій плесь рѣки въ видѣ огромнаго озера, мы взяли курсъ слишкомъ далеко отъ берега, сбились съ фарватера, т.-е. болѣе глубокаго мѣста, по которому ходятъ суда, и сѣли на мель. Катеръ остановился. Желая поскорѣе сняться съ мели, мы отвязали отъ кормы барказъ и дали ходъ назадъ. Барказъ, какъ сидящій въ водѣ болѣе мелко, чѣмъ паровой катеръ, понесся дальше, и когда выбрался на большую глубину, то мы распорядились поставить его на якорь. Но паровому катеру не посчастливилось: задній ходъ не помогъ, винтъ бесполезно бороздилъ дно и взбаломучивалъ песокъ. Вода между тѣмъ

быстро убывала, и скоро нашъ катеръ очутился совсѣмъ не въ своей сферѣ: онъ стоялъ, на треть зарывшись, на песчаномъ холмѣ, который обнажался все болѣе и болѣе. Вся эта исторія очень тѣшила насъ и показалась забавною; снявъ сапоги и засучивъ панталоны, мы съ веселымъ настроеніемъ бродили по обсушенному рѣчному дну.

Чтобы выйти изъ этого положенія, надо было только подождать прилива, который подыметъ катеръ и мы опять тронемся въ путь. Тужить намъ было нечего, времени много и торопиться не для чего. Вода продолжала отступать все дальше и дальше; скоро шаговъ на двѣсти кругомъ оказалась ровная, гладкая песчаная возвышенность, на

вершинѣ которой красовался нашъ катеръ. Барказъ и тузикъ между тѣмъ мирно покачивались на глубинѣ. Сейчасъ же при помощи тузика устроили сообщеніе, притащили къ катеру сухихъ дровъ и разложили на рѣчномъ днѣ костеръ; тутъ же установили таганъ, жаровню, поставили самоваръ и пр.,—словомъ, неожиданно вышелъ веселый пикникъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ врядъ ли кто-нибудь вздумалъ бы его устраивать. По нашему расчету веселье могло продолжаться часа четыре, а потому мы не торопясь хорошенько закусили и напились чая.

Когда начался приливъ, то мы, босые, съ большимъ интересомъ слѣдили на краю нашей выпуклости за быстротою прибыли во-

ды: не успѣешь отступить шагъ, какъ вода ужъ прибыла, приходится дѣлать второй, и т. д. Чѣмъ дальше, тѣмъ отступательные шаги наши становились чаще, и такимъ образомъ мы быстро подвинулись до катера. Когда до него осталось только шага три, мы взлѣзли въ катеръ и стали ожидать, чтобы онъ всплылъ. Но не тутъ-то было — вода поднялась уже довольно высоко, а катеръ не шевелился; попробовали раскачать его — тщетно: онъ точно вросъ въ песокъ. Нами овладѣло безпокойство; такого конца нашего пикника мы никакъ не ожидали. А ну, если катеръ залететь?! Недолго думая, мы всѣ, и матросы и офицеры, въ чемъ были, выскочили въ воду; глубина была по грудь

Со всей силы принялись мы раскачивать катеръ, но онъ еле пошевеливался. Крѣпко же его засосало въ песокъ! А вода все прибывала, и отъ борта катера оставалась уже не широкая полоска. Наше безпокойство усилилось. Еще энергичнѣе заработали наши руки, но попрежнему безуспѣшно.

Вдругъ катеръ точно выстрѣлилъ изъ воды, такъ сильно его выбросило изъ песка. Ликованіе было общее. Трудно себѣ представить, чѣмъ бы могло все кончиться; съ нами, быть можетъ, и ничего не случилось бы, но катеръ, если бы его залило, былъ бы испорченъ: онъ былъ подъ парами, и котель могло взорвать. Впрочемъ мы не долго разсуждали о томъ, что могло случить-

ся, и радовались, что катеръ снова свободно двигался.

Въ дальнѣйшемъ пути никакихъ приключеній не было, и мы вернулись на корветъ, полные разныхъ впечатлѣній и воспоминаній, которыя впоследствии всѣ казались намъ одинаково хорошими и пріятными.

VI.

Случилось, что въ сильную бурю, разразившуюся у корейскихъ береговъ, нашъ корветъ сорвало съ якоря, т.-е., другими словами, разорвало якорную цѣпь, и мы потеряли якорь. Для лица, незнакомаго съ морскою службою, ничего, кажется, въ такомъ событіи особеннаго нѣтъ, но на самомъ дѣлѣ на кораблѣ оно обыкновенно вызываетъ много работы, хлопотъ, заботъ, а иногда и опасностей. Долго и

тщетно искали мы потерянный якорь, и такъ какъ командиръ все еще находился въ Сеулѣ, то старшій офицеръ — его помощникъ — долженъ былъ немедленно послать кого-нибудь въ столицу доложить ему о случившемся. Выборъ палъ на меня.

Это путешествіе я долженъ былъ совершить сухимъ путемъ. Конечно, я очень былъ радъ такому назначенію, но непріятно только было отправляться одному. Способъ передвиженія я долженъ былъ выбрать по своему усмотрѣнію, а такъ какъ въ Корей экипажей нѣтъ, то мнѣ оставались три способа: пѣшкомъ, верхомъ и въ креслѣ-носилкахъ. Я предполагалъ выбрать послѣднее, потому что итти пѣшкомъ пятьдесятъ четыре версты почти

безъ остановки — не рѣшался; пускаться же въ путь верхомъ — не желалъ; въ Японіи я имѣлъ несчастіе переломить себѣ руку, благодаря моему морскому искусству управлять конемъ. Однако обстоятельства, какъ нарочно, заставили выбрать именно этотъ способъ: въ Чемульпо не оказалось ни одного кресла-носилокъ, а ждать, пока вернется какое-нибудь изъ Сеула, было невозможно: я долженъ былъ непременно въ тотъ же день быть въ Сеулѣ до закрытія воротъ. Дѣлать нечего, рѣшился ѣхать верхомъ.

Но тутъ опять новое горе: нѣтъ ни одного европейскаго сѣдла. Пришлось изобразить изъ себя корейскаго сановника. Я возсѣлъ на высочайшее корей-

ское сѣдло, а хозяинъ лошади повелъ ее подъ уздцы. Сразу оказались неудобства: такъ какъ на самомъ дѣлѣ я не былъ корейскимъ сановникомъ, то сѣдло было простое деревянное и не только ничѣмъ не украшенное, но даже безъ всякой обивки. Каждую минуту я мѣнялъ положеніе, все было больно и неловко; черезъ полчаса я уже не могъ далѣе терпѣть этого мученія и слѣзъ съ коня съ твердымъ намѣреніемъ итти пѣшкомъ и ужъ больше не садиться. Корейца я оставилъ въ качествѣ проводника. Но тутъ новая неудача: непролазная глинистая грязь прилипала къ ногамъ и сильно утомляла.

На мое несчастіе въ Корей на-
чинался дождливый періодъ и

уже были проливные предвѣстники этого отвратительнаго времени года. Климатическія условія страны за этотъ періодъ становятся настолько вредными, что ихъ не переносятъ даже китайцы и японцы; о европейцахъ же и говорить нечего. Малярія и желтая лихорадка поражаютъ одну жертву за другою. Даже собаки, привезенныя въ Корею, въ это время, скоро издыхаютъ. Разливъ рѣки Ганъ въ дождевой періодъ выше всякаго вѣроятія: на нѣсколько дней прекращается даже сообщеніе со столицей, которая огибается съ юга излучиной этой рѣки; вотъ почему по берегамъ послѣдней нѣтъ поселеній близко къ водѣ и въ болѣе низкихъ мѣстахъ.

На мою долю выпалъ все-таки

сухой день, итти было не очень жарко, а красота окружающей гористой мѣстности заставляла забывать и о грязи подъ ногами.

Навстрѣчу постоянно попадались несчастные корейскіе крестьяне - труженики. Безмолвно и терпѣливо копаются они по колѣна въ грязи своихъ рисовыхъ полей. Тутъ ужъ этикетъ корейскихъ женщинъ не соблюдается, и мужчины работаютъ вмѣстѣ съ ними; однако все-таки крестьяне даже въ сильную жару работаютъ одѣтыми съ ногъ до головы, чего совсѣмъ нѣтъ въ Китаѣ и Японіи. Для жаркой погоды корейцы изобрѣли плетешки изъ ивы, или бамбука; онѣ отлично прилажены и свободно надѣваются на тѣло. Платье надѣвается сверхъ нихъ,

и такимъ образомъ между тѣломъ и одеждой есть небольшое пространство, все время продуваемое воздухомъ.

Я не даромъ назвалъ крестьянъ несчастными: они никогда не работаютъ вполне на себя,— правительство и чиновники отбираютъ у нихъ весь результатъ ихъ долгаго лѣтняго труда, оставляя имъ только самое необходимое. У высшаго класса корейцевъ существуетъ убѣжденіе, что у крестьянина не можетъ быть никакихъ желаній, и что если у него есть пища да одежда, такъ это и все — ему больше ничего не надо. Вообще корейскіе мандарины держать въ большомъ приниженіи низшія сословія и всѣми способами стараются обобрать ихъ.

Почтеніе же простаго люда къ лицамъ привилегированнаго класса такъ велико, что плебейскіе всадники при встрѣчѣ съ ними на улицѣ останавливаются и сходятъ съ коней; простой смертный едва осмѣливается взглянуть на благороднаго. Вообще разница между сословными кастами въ Корей чрезвычайно велика. Такъ, напримѣръ, дворянинъ освобожденъ отъ всякихъ податей и налоговъ, жилище его считается неприкосновеннымъ и можетъ служить безопаснымъ убѣжищемъ для всякаго, кому онъ оказываетъ покровительство; тогда какъ презираемое рабочее трудовое сословіе несетъ всѣ тяготы и никогда не найдетъ правосудія за обиду, нанесенную ему мандариномъ или чиновникомъ.

Есть въ Корей еще одно болѣе несчастное сословіе — это крѣпостные, изъ которыхъ одни принадлежатъ королевскому двору, другіе частнымъ лицамъ, дворянамъ или мѣщанамъ. Крѣпостные имѣютъ право выкупаться на волю. Говорятъ, что владѣльцы не обращаются съ ними безчеловѣчно, стараясь даже нѣсколько облегчать ихъ участь.

Почти все время дорога шла населенною мѣстностію, но иногда вдали чернѣли лѣса, говорятъ, изобилующіе дикими звѣрями, шкуры которыхъ принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ предметовъ корейской торговли. Медвѣди, лисицы, кабаны, тигры и барсы встрѣчаются здѣсь очень часто. Въ нѣкоторыхъ округахъ тигры нападаютъ на туземцевъ

даже въ селеніяхъ; они бродятъ вокругъ домовъ и иногда вскакиваютъ на соломенные крыши, разносятъ ихъ и такимъ образомъ пробираются къ добычѣ. Сезонъ охоты на этого хищника начинается зимой. Когда снѣгъ наполовину подмерзнетъ, онъ достаточно крѣпокъ, чтобы сдерживать человѣка, но проваливается подъ тяжелыми лапами тигра; въ то время, когда звѣрь тщетно старается высвободиться изъ вязкаго снѣга, охотникъ быстро бросается на него, чтобы пронзить его копьемъ или кинжаломъ.

Изъ домашнихъ животныхъ корейцы держатъ лошадей, коровъ, свиней, куръ, собакъ и пр. Прекрасный рогатый скотъ не употребляется для молока и

молочныхъ продуктовъ, а только для перевозки тяжестей. Свиньи и собаки очень многочисленны, но собакъ не держатъ ни для охоты, ни для обереганія домовъ или стада. Представьте себѣ, что собачье мясо употребляется въ пищу, составляя одинъ изъ главныхъ предметовъ питанія, и считается очень лакомымъ блюдомъ. Замѣчательно, что и характеръ здѣшнихъ собакъ нисколько не похожъ на нашихъ: онѣ до крайности боязливы и мало привязаны къ человѣку.

VIII.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ Сеулу, тѣмъ мѣстность становилась населеннѣе и населеннѣе; въ нѣкоторыхъ пунктахъ деревни соприкасаются одна съ другою, такъ что образуютъ сплошной городъ, Кругомъ ни одного необработаннаго клочка земли. Рисовыя поля въ нѣсколько ярусовъ расположены по склонамъ холмовъ. Корейцы, питающіеся, какъ и китайцы, почти исключительно рисомъ, воздѣлываютъ пре-

имущественно это растеніе, хотя сѣютъ и другіе злаки: пшеницу, просо, кукурузу и всякаго рода овощи. Между промышленными растеніями главное мѣсто занимаетъ хлопчатникъ. Лѣтъ пятьсотъ тому назадъ это драгоцѣнное растеніе не было извѣстно въ Корей. Китайцы, желая держать въ рукахъ всю торговлю хлопчатобумажными матеріями, запрещали вывозить въ Корею сѣмена хлопчатника подъ угрозой самыхъ тяжкихъ наказаній; но одинъ изъ членовъ ежегоднаго посольства, отправляемаго въ Срединное царство (Китай) для засвидѣтельствованія отъ имени корейскаго короля почтенія «Сыну Неба» (богдыхану), успѣлъ похитить три зерна этого драгоцѣннаго растенія и спря-

тать ихъ въ бамбуковую трубочку своей рисовальной кисточки.

Корейцы, съ своей стороны, строго запретили вывозъ женъ-шеня—этого драгоцѣннаго цѣлительнаго корня, который служитъ поэтому предметомъ важной контрабандной торговли. Сады, гдѣ воздѣлывается и выращивается женъ-шень, окружены высокою оградой; около нихъ выстроена высокая платформа, на которой всегда находится сторожъ, зорко оберегающій это драгоцѣнное растеніе. Первоначально женъ-шень садится въ ящики изъ аспидныхъ досокъ; земля приготовлена особымъ секретнымъ образомъ. Послѣ шести лѣтъ самаго тщательнаго ухода и многократной пересадки растеніе считается вполнѣ созрѣв-

шимъ, а корень его получившимъ всѣ цѣлебныя качества. Воздѣльваніе корня находится въ рукахъ исключительно нѣсколькихъ лицъ, имѣющихъ на это право особымъ патентомъ отъ короля. Благодаря такой монополіи, компанія наживается неимоვნю: по вѣрнымъ свѣдѣніямъ доходъ достигаетъ милліона рублей въ годъ.

Во время пути я нерѣдко заходилъ въ корейскія избушки напиться воды. Крестьяне принимали меня очень радушно и старались угостить, чѣмъ могли. Такое отношеніе къ европейцу мнѣ было тѣмъ болѣе странно, что на берегахъ Гана насъ принимали совсѣмъ иначе. Вѣроятно, здѣсь уже успѣли привыкнуть къ чужеземцамъ и перестали

смотря на нихъ не дружелюбно. Главное угощеніе состояло изъ табака и инбирной воды.

Одну семью я засталъ за скромнымъ обѣдомъ; женщины сейчасъ же скрылись, но я успѣлъ подмѣтить ихъ костюмъ: онѣ были въ шароварахъ длиною до самой ступни, а сверху была надѣта юбка. Что-то въ родѣ корсета обтягивало ихъ некрасивую талію, закрытую коротенькою бѣлою кофточкой на распашку. Какъ была причесана голова, совсѣмъ не помню. Мнѣ было очень досадно, что я нарушилъ ихъ покой, а потому хотѣлъ уже выйти, но хозяинъ остановилъ меня. Я знаками объяснилъ, что хочу пить, и мнѣ подали маленькую чашечку, наполненную повидимому чистою, прозрачною водою.

Я хотѣлъ выпить, но оказалось, что это рисовая водка; я хотѣлъ возвратить чашечку назадъ, но гостепріимный хозяинъ настаивалъ, чтобы я выпилъ.

Совершенно какъ китайцы и японцы, корейцы ѣдятъ палочками, сидя на полу передъ маленькимъ столикомъ. Какъ ни бѣдна была семья, а все-таки за обѣдомъ было нѣсколько перемѣнъ и подавалось довольно опрятно. Пользуясь тѣмъ, что мой проводникъ исчезъ подъ предлогомъ покормить лошадь, я остался среди этой семьи подольше и съ любопытствомъ разсматривалъ всю незатѣливую обстановку и утварь. Хозяинъ терпѣливо старался пояснить мнѣ все при помощи жестикуляцій. Между нами шель разговоръ пантомимой.

По сравненію съ жизнью нашихъ небогатыхъ крестьянъ, корейцы живутъ совсѣмъ недурно: все у нихъ опрятно, земляной полъ выметенъ чисто, а стѣны даже выбѣлены и не имѣютъ закоптѣлаго вида. У стѣны въ избѣ поставлена низенькая печь съ вмазаннымъ котломъ и топкой прямо на земляномъ полу. Осматривая надворныя постройки, я обратилъ вниманіе на какое-то сооруженіе внизу у ручья. Это оказалась водяная мельница прекуръезнаго устройства: на невысокой стойкѣ, которая вбита въ землю, утверждено на шарнирѣ длинное коромысло, на одномъ концѣ котораго четырехугольный продолговатый деревянный ковшъ съ отлогою заднею стѣнкою, а на другомъ желѣз-

ный болтъ-пестикъ, прикрѣпленный подъ прямымъ угломъ. Сверху невысокой запруды льется неширокая струя воды прямо въ ковшъ мельницы; когда ковшъ наполнится водою, то коромысло отъ тяжести его опускается и подымаетъ болтъ на значительную высоту; при наклонномъ положеніи ковша вся вода быстро выливается черезъ отлогую заднюю стѣнку, и болтъ, получивъ перевѣсъ, съ силой падаетъ внизъ и ударяетъ въ каменный полъ, на которомъ разсыпаны перемалываемыя зерна. Когда болтъ внизу, ковшъ опять поднимается подъ струю воды—и та же исторія повторяется.

При настоящемъ подробномъ осмотрѣ корейскаго жилища, я не замѣтилъ нигдѣ ни домаш-

няго жертвенника, ни даже ка-кого-нибудь изображенія божества. Меня вообще поразило, что въ Корей чрезвычайно мало храмовъ; во многихъ маленькихъ городахъ и деревняхъ ихъ и не существуетъ вовсе, а во многолюдныхъ городахъ всѣ храмы имѣютъ видъ жалкихъ мазанокъ. Все это тѣмъ болѣе удивительно, что у сосѣдей корейцевъ, въ Китаѣ и Японіи, совершенно наоборотъ: тамъ на каждомъ шагу вы видите то капище, то идола, а то и цѣлыя уличныя церемоніи въ честь боговъ. Храмы и идолы тамъ отличаются богатствомъ и украшеніемъ, здѣсь же я видѣлъ по сторонамъ дорогъ безобразныя деревянныя статуи, изображающія боговъ и святыхъ. Я сначала думалъ, что это просто ме-

жевые знаки, и, только подойдя ближе, замѣчалъ грубыя вырѣзки, придающія чурбану нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры. Эти фигуры, называемыя сіу-сальмакъ-и, назначаются для того, чтобы прогонять злыхъ духовъ. Корейцы вообще не отличаются набожностію, и если такой идолъ подгниетъ и упадетъ, то его не ставятъ вновь, а оставляютъ валяться тутъ же на мѣстѣ.

Самый главный ихъ богъ—Миріокъ—это то же, что китайскій Будда. Каменная статуя этого божества въ шестьдесятъ четыре фута вышины находится въ провинціи Унъ-джинъ. Вотъ легенда, объясняющая появленіе этого идола: какая-то корейка собирала на холмѣ хворостъ для домашняго обихода; вдругъ передъ

нею выскочилъ изъ земли высокій каменный столбъ. Испуганная такимъ явленіемъ, она побѣжала скорѣе домой и сообщила роднымъ. Скоро узнадо объ этомъ событіи мѣстное начальство и донесло въ столицу. Тамъ долго обсуждали такое загадочное и непонятное явленіе, наконецъ порѣшили, что самъ Будда желаетъ, чтобы изъ этого камня было высѣчено его изображеніе,

Въ Сеулъ я вернулся поздно вечеромъ,—едва успѣлъ до закрытія городскихъ воротъ.

Не понравился командиру мой докладъ, и онъ порѣшилъ на другой же день послѣ представленія королю отправиться вмѣстѣ со мною на корветъ.

Я такъ утомился послѣ почти безостановочнаго пятидесятивер-

стнаго перехода пѣшкомъ, что проспалъ глубокимъ сномъ чуть

Нынѣшній Корейскій Король и его отецъ.

не двадцать часовъ подъ рядъ.
Проснувшись, я былъ страшно

огорченъ и раздосадованъ: наши уже успѣли вернуться изъ королевскаго дворца послѣ представленія королю. Ужъ какъ неприятно было пропустить такое интересное событіе! Меня утѣшали, что ничего особеннаго не было, что все было просто, что король одѣтъ проще чѣмъ сановники, убранство дворца въ китайскомъ вкусѣ и что весь видъ пріемной комнаты много терялъ отъ присутствія дешевой европейской мебели. Но мнѣ, конечно, такихъ разказовъ было недостаточно и я сожалью, что не въ состояніи теперь написать объ этомъ подробнѣе.

И. Азбелевъ.

